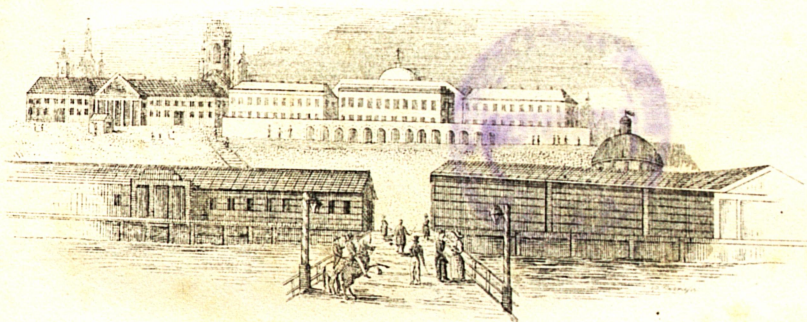

И т р е н а я

З В З Д А

ХАРЬКОВЪ

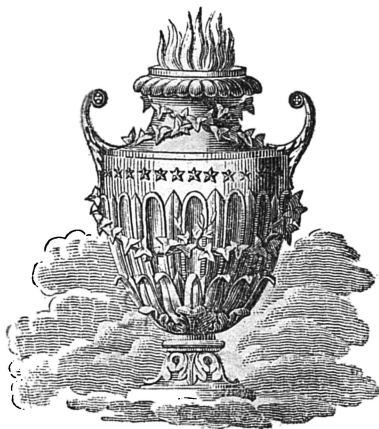
въ Дви. Лицарома.

У Т Р Е Н Н Я Я
З В Ъ З Д А .

СОБРАНИЕ СТАТЕЙ
ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ.

Вънижска 1.

Х А Р Ъ К О В Ъ .
1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по оппечатаніи представлены были въ
Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Декабря
22 дня 1855 года.

Профессоръ, Цензоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО
1834.

О Т Ъ И З Д А Т Е Л Я .

Издашель пріяшнымъ долгомъ почишаешъ свидѣшельсшвовашъ чувсшвишельнѣйшую свою благодарносшь иѣкошорымъ почшеннымъ и уважаемымъ въ лишперашурномъ мѣрѣ особамъ, почпившимъ его леснымъ для него вниманіемъ и не подписавшимъ подъ присланными ими спашьями именъ своихъ; шакже И. И. Срезневскому, П. И. Иноземцову и другимъ, сообщившимъ спашьи свои для сей книжки.

Любишели Словесносши, безъ сомнѣнія, сверхъ многихъ другихъ піэсъ съ удовольсшвіемъ прочшущъ здѣсь: *Недобрый глазъ*, Малороссійское преданіе П. Б. Байскаго и *Недосозданіе*, О. М. Сомова, послѣднія произведенія сего Писашеля, присланная имъ не задолго до его кончины. Покойный О. М. Сомовъ, если не по пребыванію, шо по крайней мѣрѣ по мѣсшу

своего рожденія и воспитанія (въ Харьковскомъ Университетѣ) принадлежишь къ числу Украинскихъ Писателей и занимаешь между ими почешное мѣсто.

Издашель пужнымъ считаешь сказать, что хоша онъ и предполагалъ издашь только *одну* книжку, но въ послѣдствіи въ необходимости нашелся, не возвышая цѣны, объявленной при подпискѣ, издашь *двѣ*. Такимъ образомъ, въ первой заключающся однѣ только произведенія, писанныя по-Русски; во второй—сшашьи, писанныя на Малороссійскомъ и Украинскомъ нарѣчіяхъ. По сей причинѣ и печашаніе оной признано за лучшее сдѣлать въ Харьковѣ, подъ наблюденіемъ самихъ авшоровъ.

И. Петровъ.

Харьковъ.

1 Ноября 1853 года.

П Р О З А.

НЕДОБРЫЙ ГЛАЗЪ.

МАЛОРОССІЙСКОЕ ПРЕДАНИЕ.

I.

Ой, хорошія дочки у Козака Никипы, да и Козакъ Никипа человекъ нескудный: на чепырнадцати парахъ воловъ чумаковъ опсправляепъ, шо на Донъ по рыбу, шо въ Крымъ за солью; а все волы большіе, крупорогіе, широкочелые, съ опшнянупыми пахами, съ сѣдовапымъ хребпомъ, съ навислою, волосаспою грудовиной. А на выгонъ у Козака Никипы пасепся косякъ коней, чпо ни самыхъ лихихъ, чпо ни самыхъ борзыхъ. А дома у Козака Никипы добра сполько, чпо не переписать въ недѣлю и бойкому скорописцу. Еще же, говоряпъ люди, чпо у Козака Никипы еспъ завѣпная скрынъка съ дукапами, да серебра сполько, чпо чепверикомъ не загребешъ.

II.

Ой, хорошія дочки у Козака Никипы: и Галя чернобровая, и Докійка румяная, и Напалка бѣлолицая. Опець и машь научили ихъ справу Божію. Любо смотрѣшь, какъ онѣ, въ лѣтніе праздники и дни воскресные, идущъ къ обѣднѣ чинно и смиренно, въ бѣлыхъ понкихъ кунпошахъ съ спроченными ўсами, въ сафьянныхъ чобошахъ съ подковками, въ разноцвѣтныхъ скиндячкахъ, размешанныхъ по плечамъ, и съ цвѣтами махроваго маку, чернобривцами и барвенками въ волосахъ. Всѣ парубки тогда на нихъ заглядываются и пвердять, почесывая за ухомъ: «Ой, пязько хорошія дочки, и вельми богатый батько!»

III.

Сидитъ Козакъ Никипа на прилавкѣ за воропами, кушитъ Роменскій шабакъ изъ кереньковой прубки въ мѣдной оправѣ и посмаприваетъ на свѣтъ Божій. Вопъ видитъ онъ: за селомъ по дорогѣ пыль вьепся клубомъ, скачешъ ѣздокъ, сломя голову; вопъ внесся въ село, ближе и ближе; подъ нимъ конь какъ звѣрь, черенъ какъ вороново крыло, изъ ноздрей дымъ валитъ какъ изъ винокурни. Вопъ поравнялся ѣздокъ съ Козакомъ Никипой, напянулъ поводъ — и конь уперся ногами въ землю,

согнуль шею кольцомъ , уключилъ голову , заржалъ и засверкалъ бѣглыми своими глазами , шакъ , что Козаку Никипѣ почудилось , будто искры полетѣли во всѣ спороны .

IV.

— «Здорово , добрый человекъ !» сказала проѣзжій . — «Богъ помочь !» опевчалъ Козакъ Никипа , вынувъ прубку изъ рпа и приподнявъ шапку . «Куда Богъ несетъ ?» — Козаку Никипѣ показалось , что проѣзжій дважды моргнуль усами , а конь его дважды форкнуль . — «Ѣду я далеко , далеко : опсюда глазомъ не смѣряешь и не одни *постолы* изобъешь , пока пѣшкомъ дойдешь . Да не въ помъ дѣло , а вопъ въ чемъ : гдѣ бы мнѣ ночлегъ найши ?» — «Милоспи просимъ ! рады добрымъ людямъ . Богъ про всякаго посылаетъ человекъ хлѣбъ насущный .» — Проѣзжій молча сошелъ съ коня , повель его за поводъ , привязалъ къ столбу подъ навѣсомъ и вошелъ въ хашу съ Козакомъ Никипой .

V.

Не пригожь былъ эпомъ проѣзжій : лице блѣдное , ни кровинки , носъ толстый , луковицей , губы впянушыя ; по обѣ спороны лица порчали клоками скомшеные , рыжіе усы ;

такія жь рыжія брови густо нависли внизъ какъ щепина , и заслоняли глаза такъ , что ихъ во все не было видно ; красно-рыжій оселедецъ какъ полоса запекшейся крови пролегалъ по виску и вился за ухомъ. Еще скажу : не пригожь былъ проѣзжій ! — Онъ съ виду былъ не спарь и не молодъ ; какая-то кислая ужимка вмѣсто усмѣшки и глухой голосъ , вырывавшійся изъ горпани , какъ изъ могилы , не сулили въ немъ ничего добраго. На немъ былъ жупанъ тонкаго сукна ; за Персидскимъ кушакомъ зашкнупъ былъ Турецкій ножъ съ серебряною рукояпкой , на которой какъ жаръ горѣли дорогіе каменья. Не помолясь Богу , какъ водится у Православныхъ , и чупъ головою кивнувъ хозяйкѣ и дочкамъ , сѣлъ онъ безъ чиновъ за столъ и заломался , словно въ шинкѣ.

VI.

— « Какъ вижу , вы изъ Запорожцевъ , добродію ? » спросилъ его Козакъ Никипа . — « Можеть спашься , » былъ ему опвѣшь . — « И давно уже гарцуете съ молодцами ? » — « Да не со вчерашняго дня . » — « А какъ васъ величаютъ ? » — « Лавро Хоробилъ . » — « Что подумаешь : куда вы много положили бусурманскихъ головъ на своемъ вѣку ! » — « Было всякихъ ; пусъ ихъ лежатъ . » — « А далеко

вы часомъ хаживали на войну?» — «Да; изъ вашего села галки шуда не залепали.» — «И много, чай, прудовъ понесли?» — «На доброй парѣ воловъ всѣхъ не свезешь.» — «Что-то, какъ поразскажущь бывалые чумаки, за приволье въ бусурманскихъ земляхъ! что за мѣсна богатыя! чего памъ не родипся!» — «Вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣшь.» — «А какое злое племя Турки да Тапаре!» — «Есть и Христіане не лучше ихъ.» — Козакъ Никипа смекнулъ, что госпъ не поддается на разспросы и что опъ него пупнаго слова не добьешься; онъ взглянулъ изъ подлбья на проѣзжаго и замолчалъ.

VII.

За ужиномъ, проѣзжій госпъ зарился сквозь навислыя свои брови на пригожихъ дочекъ Козака Никипы, какъ щука зарипся сквозь проспникъ на маленькихъ рѣзвыхъ рыбокъ; но красавицы не слышали опъ него ни одного привѣща, ни одного слова. Угрюмо сидѣлъ онъ и только пыхня попягивалъ запеканку и шерновку Козака Никипы. Когда же взглядывалъ порою на копорую нибудь изъ дѣвушекъ, ша невольно опускала глаза внизъ, не опъ спыда, а опъ спрахъ: красавиць пугали эши взгляды невидимаго глаза, чупъ чупъ свѣпившагося изъ-за густыхъ,

рыжихъ бровей. Госпъ вспаль изъ-за спола' какъ и сълъ за него : не помолясь Богу , не сказавъ добраго слова хозяевамъ. Чпо за человекъ былъ онъ ? Всъ думали , гадали , и никпо не могъ дознапсья.

VIII.

Всю ночь выла подъ окномъ собака , и душно и жудко было красавицамъ. Онъ не могли спать , поминушно ворочались въ постель , и если на мигъ забывались , то спрашныя грезы потчасъ перерывали ихъ сонъ. То слышалось имъ похоронное пѣніе и звонъ по покойникъ ; то незнакомый госпъ смолрѣлъ на нихъ такими глазами , такими глазами , чпо холодъ сжималъ имъ грудь , захватывалъ дыханіе и оковывалъ льдомъ всъ ихъ соспавы. Красавицы мепались , спенали сквозъ тяжкій сонъ , пробуждались въ спрахъ и по упру вспали съ тяжелыми головами и смущеннымъ духомъ.

IX.

— « Слушай , Козакъ Никиппа , сказалъ Хоробитпъ своему хозяину поупру за *спѣдань-емѣ* : « опдай за меня свою дочку Галио чернобровую. » — « Моя дочка Галя уже просвашана : женихъ изъ хорошаго рода и человекъ

доспапочный ; а кто безъ причины жениху
опъ зарученой невѣсты опкажешъ , того
Богъ накажешъ.» — «Такъ опдай за меня
Докійку румяную.» — «У моей дочки Докійки
по же еспъ женихи на славу. Богъ помо-
жешъ , одну подъ вѣнецъ оппустимъ , а за
другую ручники подадимъ.» — «Ну , хопъ
Нашалку бѣлолицую.» — «Моя дочка Нашалка
дипя молодое, ничего еще не знаешъ. Гдѣ жъ
ее опдай въ шакую дальнюю спорону?» —
«Опказалъ пы мнѣ , Козакъ Никиппа , накор-
милъ пы меня *пегеньлиб гарбузолѣ* ; смопри
же , чпобы послѣ не каяшъся.» — «Чпо бу-
дешъ , по будешъ ; а будешъ по , чпо Богъ
велипъ !» опвѣчалъ Козакъ Никиппа.

Ж.

Ни слова не сказалъ больше Лавро Хоро-
бищъ и пошелъ сѣдлашъ своего воронаго ,
копорый ржалъ и сарпалъ и билъ копытами
землю. Тогда вошли въ хашу при дочки Ко-
зака Никиппы. Онѣ вышли изъ своей свѣпли-
цы , думая , чпо проѣзжій госпъ уже уска-
калъ и больше не воропипся. А вопъ и онъ ,
какъ съ дуба сорвался , идешъ гордо и осан-
ливо , побрякивая серебромъ и золопомъ. —
«Вопъ шебѣ , хозяинъ , за ночлегъ и за ла-
ску ,» молвилъ онъ , опуспя руку въ *кишеню*
и вынувъ полную горспъ серебряныхъ де-

негь. — «У насъ не поспоялый дворъ и не шинокъ,» опвѣчалъ Козакъ Никиша съ досадою: «проѣзжихъ угощаемъ, чѣмъ Богъ послалъ, а денегъ за хлѣбъ-соль ни съ кого не беремъ.» — «Такъ позволъ же мнѣ подарить твоихъ дочекъ на память!» сказалъ Хоробитъ, и запустия снова руку въ кишеню, вытащилъ горсть золотыхъ вещицъ. У дѣвушекъ глаза разбѣжались на перспни, на серьги, на дорогія мониспы и запонки. Какихъ штукъ не было и видомъ, и цвѣшомъ, и цѣною! Однѣ какъ жаръ горѣли, другія свѣпились, какъ ночью глаза у кошки, на иныхъ сверкали радуги, ярче шой, что спускаешя съ неба на землю и пьешъ воду изъ ручьевъ и колодязей. Дѣвушки по любовались дорогими вещицами, по переглядывались другъ съ другомъ, по изкоса посмапривали на опца: куда дѣвался и спрахъ опъ проѣзжаго!— «Берите, коли добрый человекъ даешъ на память,» сказалъ имъ отецъ: «это даръ, а не плаша.»

XI.

— «Начинай ты, Галя чернбровая!» сказалъ Лавро Хоробитъ: «подойди и выбери, что тебѣ приглянешя.» — Галя подошла, пропянула руку къ сполу, взглянула на Хоробитша — и вскрикнувъ, опскочила прочь,

словно на змѣю наспушила. — «Экая спыдливая!» молвилъ смѣясь проѣзжій: «ну, бышь пакъ; коли ты не хочешь, пусть выбираешь себѣ Докійка румяная.» — Докійка подспунила поближе, посмопрѣла на подарки и на гостя — и пакже вскрикнула, и пакже опскочила не вспомнясь. — «Вопъ пакъ! куда одна, шуда и другая,» сказалъ Хоробитъ съ шѣмъ же смѣхомъ. «Твоя очередь, Напалка бѣлолицая!» — И Напалка робко подвинулась впередъ, невольно посмопрѣла на проѣзжаго — вскрикнула и чуть не упала. Ей показалось, что рыжія брови Хоробита дыбомъ поднялись вверхъ, какъ иглы на ежѣ, а изъ блѣдно-сѣрыхъ глазъ его спруею полились на нее двѣ понкія нипи свѣта, оспраго, жгущаго, мерпящаго. Опъ него и дрожь пробѣгала по шѣлу, и спрахъ заронялся въ душу, и шоска впивалася въ сердце. Таковъ-то не добрый глазъ: на зеленый лѣсъ взглянешь — и зеленый лѣсъ вянешь!

ХII.

— «Ну, спасибо за вашу хлѣбъ-соль: буду ее помнишь, да и вы меня не забудете, хопъ дочки ваши поспѣсивились и не взяли моихъ подарковъ,» сказалъ Хоробитъ, поглядѣвъ на дѣвушекъ такимъ взглядомъ, какимъ демонъ смолрипъ на душу человѣческую. А

онѣ, бѣдненькія, спояли сложа руки креспомъ и дрожали всѣмъ тѣломъ. — «Прощайте,» примолвилъ онъ: «не поминайте лихомъ!» и засмѣялся такъ, что у всѣхъ на душѣ похолодѣло. Тупъ разомъ за дверь, скокъ на своего лихаго коня — и слѣдъ проспыхъ.

ХІІІ.

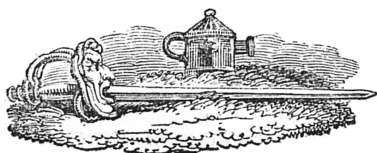
— «Неня! мнѣ шяжко, мнѣ нудно!» говорила Галя чернобровая. — «Неня! меня морозъ подираешъ по кожѣ; руки и ноги — все какъ во льду, а внутри горипъ,» говорила Докійка румная: ахъ! она ужъ была блѣднѣе полонна. — «Неня! у меня голова прещипъ опъ боли, и свѣпъ идетъ кругомъ, и все въ глазахъ шемнѣе да шемнѣе,» говорила Напалка бѣлолицая. — «Спаси, спаси насъ, неня!» пвердили всѣ прое, «спаси насъ опъ лихаго человѣка! Призови знахаря: пусть опшворожитъ силу недобраго глаза!» — Напрасно! ни знахарь, никто не помогъ: чѣмъ дальше скакалъ Хоробитъ, тѣмъ шяжеле спановилось красавицамъ. Съ закапомъ солнца, закапился и у нихъ свѣпъ въ ясныхъ очахъ. . . . Ночью набожныя спарушки собрались сидѣпъ при восковыхъ свѣчахъ у широкаго спола, на кошоромъ лежали подъ бѣлою целеною при покойницы; дьячокъ заунывно

чипалъ надъ ними псалпирь. Опець и мапъ сами чупъ дышали съ поски и гореспи.

XIV.

Спoишпъ среди кладбища за селомъ большая часовня ; на часовнѣ при креспa ; подъ часовней высокая и широкая могила. Въ пошй могилѣ похоронены при дочки Козака Никишп. Люди добрые , идучи мимо , креспяшся и моляшся : « Пошли , Господи , вѣчный покой и вѣчную память покойницамъ ! » Послѣ каждый , волей и неволей , приговариваетъ : « И пуспъ не будетъ добра , ни на семь свѣтѣ , ни въ будущемъ , злomu чeлoвѣку , который змѣинымъ своимъ глазомъ изсушилъ и извелъ три прекрасные цвѣшка свѣжіе и пышные ! »

Порфирій Байскій.

Отрывокъ изъ романа:

РАШСОДИИ.

ЛОРЕНЦО.

«За чѣмъ ты ее впустилъ? сказала Лоренцо гнѣвнымъ голосомъ своему Жаку. Я тебѣ уже нѣсколько разъ подтверждалъ, чшобы ты, кромѣ нищихъ и калекъ, никакихъ просипелей и просипельницъ съ бумагами ко мнѣ не допускалъ!» —

«Хотя я шого языка, на копоромъ вы изволише говорите, и не понимаю, однако изъ гнѣвнаго голоса вашего и вашихъ взоровъ догадываюсь, чшо мое присущствие вамъ непріятно; сказала женщина, держащая въ рукахъ бумагу, одѣшая бѣдно, но чистю и опрятно. Извините, Милосливый Государь, чшо надежда меня къ вамъ привела. Надежда насъ всѣхъ водитъ, многихъ обманываетъ.

Желаю , чпобы ваши надежды всегда исполнялись ; мою же неисполненную я назову — Лоренцо.»

Лоренцо , слыша голосъ и языкъ образованные , видя во всей фигурѣ сей женщины нѣчто , свидѣтельствовавшее счастливѣйшіе нѣкогда дни , смягчился.— «Да чпо тебѣ надобно ? кто ты ? спросилъ онъ , спараясь улыбкою скрыть свое замѣшательство.» —

«Я — Полковница» , опвѣчала она , «была счастливою супругою ; мужъ мой палъ въ сраженіи пропивъ непріателя ; теперь я — бѣдная вдова , и нишь жизни моей прядушь милосердыя руки.»

«Какъ же васъ зовушь ?» спросилъ Лоренцо въ смущеніи.

«Меня многіе знаютъ ,» опвѣчала она , «и всѣ зовушь меня Полковницею ; имя же мое извѣстно здѣсь только одному.»

«Чпо же вамъ угодно?» спросилъ Лоренцо.

«Желаю , чпобы рука ваша опверзлась для подаенія мнѣ помощи ; возвратишь вамъ даннаго я не въ соспоянніи ; взаимными услугами вознаградишь — гопова , если могу.»

Лоренцо обрапилъ взоръ свой на заходящее солнце и синьюющіяся вдали горы. Вдругъ обрапился ояпшь къ ней и опривиспо сказалъ : «Я за оказанную услугу не пребую вознагражденія. Чѣмъ могу служишь ?»

«Если вы не принимаете моихъ услугъ, то я должна отказатьсья опть вашей помощи; одни только нищїе взявши, исчезаютъ; я — бѣдна.»

«Спрапанная женщина! воскликнулъ Лоренцо. Какія же вы можете мнѣ оказать услуги?»

«Вопросъ вашъ походитъ на условїе,» сказала Полковница; «въ такомъ случаѣ я должна васъ спросить, какую вы мнѣ можете оказать помощь?»

Лоренцо находился въ великомъ замѣшательствѣ, въ которое привели его званїе, ловкость и всего болѣе присутствїе духа просительницы. Чтобы избавишься опть разговора, которъй началъ завязываться, онъ подаль ей молча червонецъ.

«Нѣтъ, сударь,» сказала Полковница, «единовременнаго подаянїя я не принимаю; не угодно ли вамъ будетъ, пожаловать мнѣ записочку, что вы не обременяетесь назначишь мнѣ что нибудь годовое?»

Лоренцо покачалъ головою: новость требованїя его заманила; онъ исполнилъ ея предложенїе. Подавая ей записку, «когда прикажете,» спросилъ онъ, «выпланишь деньги?»

«Не безпокойтесь! когда вамъ угодно. Я живу въ двухъ миляхъ опть города въ лѣсу, гдѣ благодѣшелями моими куплено мнѣ мѣстечко и построень небольшой домикъ. Сюда, въ городъ, я являюсь всегда черезъ мѣсяцъ,

живу только при дня, на четвертый возвращаюсь домой. Если я вам нужна буду, по извольте или сами пожаловать ко мне, или прислать за мною.» — Поклонившись, пошла. В дверях остановилась, и обратившись к Лоренцу сказала: «вы в Венеции имете знакомых — там готовится пышная свадьба — Маркизь Доримедонно vstupаетъ въ бракъ съ прелестною Жозефиною Пизани.»

Лоренцо споялъ, какъ пораженный громомъ. Полковница исчезла. Солнце уже скрылось за горами и пурпуровая полоса надъ вершинами поухала.

Въ сію минуту вошелъ въ комнату Джіакомо. «Поздравляю съ визитомъ, Графъ,» сказалъ онъ. «Конечно она походитъ на монашій порпиретъ, на которомъ нѣжныи черты отъ частаго употребленія изгладились; но пріятность лица, и даже нѣкоторыя слѣды опцвѣпшей красоты еще заманчивы; улыбка неподобная, а фигура вообще живописная.»

Лоренцо не отвѣчалъ. «Право,» продолжалъ Джіакомо, подходя къ ландшафту, которымъ Лоренцо предъ пѣмъ занимался, «съ шакою Юною побесѣдовать въ кабинетъ, или прогуляться — хоть въ шакой роцицѣ, или

прислушиваешься къ шумному печенію рѣки — вопль на такомъ берегу, или укрывшись подъ навѣсомъ такой скалы, какъ блаженной памяти скромный Эней съ величавою Дидоною, хотя и неизвѣстно, что они тамъ дѣлали — это не худо, во многихъ отношеніяхъ даже полезно. — Но что съ вами сдѣлалось, Графъ? — Вы разстроены! — Не уже ли Діана отказала Эндимиону съ Исполиновыхъ горъ, или и Графъ и живописецъ въ своихъ расчѣпахъ и ожиданіяхъ ошиблись?» —

«Послушай, Джіакомо,» сказала Лоренцо, «оставь на минушу пвоемъ нелѣпости и пвою вѣпренность, и если ты меня хоть нѣсколько любишь, то выслушай меня со вниманіемъ. Женщина, которая у меня была, и съ которою ты конечно встрѣтился, приходила просить подавнія, и, уходя, на порогѣ обратилась ко мнѣ и сказала пономъ всевѣдущей вѣспницы: вы въ Венеціи имѣете знакомыхъ; тамъ готовишься пышная свадьба; Маркизь Доримедонто вступаешъ въ бракъ съ прелестною Жозефиною Пизани.

«Какъ!» вскричалъ Джіакомо, «что за чортъ? а Графъ Кольмаръ?»

«Графъ Кольмаръ?» сказалъ Лоренцо. — «Если это справедливо, то Графъ лишился того, что ему было драгоценнѣйшимъ на свѣпѣ,

и послѣ сего жизнь для Графа Кольмара естъ пустая скорлупа, не имѣющая никакой цѣны, которую съ презрѣніемъ можно раздавить.»

«Постойте, Лоренцо, не порошиться. Все это мнѣ кажется вздоромъ. Подумайте! во первыхъ нищя.» —

«Нѣтъ,» перервалъ Лоренцо, «не нищя, а бѣдная.»

«Во вѣпорыхъ,» сказалъ Джіакомо, «нищя — бѣдная — низкаго разбора, прислушивающаяся къ рѣчамъ» —

«Нѣтъ,» перервалъ Лоренцо, «не низкаго разбора, она Полковница.»

«Въ прѣпыхъ,» продолжалъ Джіакомо, «нищя, бѣдная, низкаго разбора Полковница, желающая выманить нѣсколько денегъ» —

«Нѣтъ,» перервалъ Лоренцо, «не выманить нѣсколько денегъ; она не приняла единовременнаго подаенія, а согласилась только на ежегодное вспомошествованіе.»

«Тѣмъ лучше для нищей, бѣдной низкаго разбора Полковницы. Щедрость ваша мнѣ извѣстна, и она вѣрно оспалась довольною. Ни за что, ни про что годовое жалованье! Bravo! bravissimo!»

«Не бѣси меня, Джіакомо. Знай, что она вызвалась мнѣ оказывать взаимныя услуги, и

полько на эпомъ основаніи пребовала вспомошествованія.»

«Хипрая баба! годовое жалованье впередъ , а услуги» —

«Ты говоришь вздоръ! она ничего не взяла.»

«Ого! *generosissima Signora!*»

Лоренцо глядѣлъ ему въ глаза. — «Тѣфу пропасть!» сказалъ Джіакомо, по нѣкопоромъ молчаніи, «ничего не понимаю! Нищял—Полковница — годовое жалованье — условіе — Маркизь Доримедонпо — шупъ должна бытъ , кажешя, связь.»

«Я по же думаю,» сказалъ Лоренцо , «а по сему и поручаю шебѣ , любезный Джіакомо , опыскашь эту Полковницу и доставишь мнѣ подробнѣйшія свѣдѣнія ; на чпо я шебѣ даю двадцать чепыре часа времени.» —

«А чорпъ ее знаетъ , гдѣ она живешъ?»

«Она и эпаго опъ меня не скрyla, она живешъ въ лѣсу , въ двухъ миляхъ опсюда.»

«А въ какомъ, Ваше Сіяпельство? Лѣсовъ и рощиць здѣсь много.»

«Двадцать чепыре часа , Джіакомо, и помни , чпо сіи двадцать чепыре часа пвой другъ, Графъ Кольмаръ, будешъ живъ въ адѣ!» — Сказавъ сіе , Лоренцо ушелъ въ свой кабинетъ. Джіакомо не посмѣлъ за нимъ слѣдовашь.

ГРАФЪ КОЛЬМАРЪ.

«И такъ, милая Синьора Розалія,» сказалъ Джіакомо, обнимая прелестный спанъ ея, — «и такъ» —

«И такъ, Синьоръ Джіакомо,» сказала Розалія, «и такъ — довѣренность должна бытъ взаимная. Или вы должны бытъ злой чело-вѣкъ, вывѣдывающей другихъ для своихъ видовъ и выгодъ, хопя бы они и сопряжены были съ нещаспемъ другихъ; или вы испытали сполько коварства и обмановъ, что ваше опъ природы доброе сердце преисполнилось желчью недовѣрчивости. Въ обоихъ случаяхъ вы заслуживаете сожалѣнія.»

«Ни то, ни другое, прелестная Розалія,» сказалъ Джіакомо; «но дружба имѣетъ свои права.»

«А любовь свои секреты, Синьоръ Джіакомо? Ни пѣхъ, ни другихъ я нарушать не намѣрена.»

«Ахъ! любовь! — любовь!» — сказалъ Джіакомо вздохнувъ и поцѣловавъ руку Розаліи. «Ахъ! изъ сего рая жизни бытъ изгнану!!— Уже сверкаетъ пламенный мечъ Ангела грознаго, гоповаго изгнать щаспливыхъ, и, преградивъ возвращенный путь къ блаженству, предастъ ихъ всѣмъ мученіямъ шоски, и скорби и опчаянія! Да опвратишь судьба опъ насъ такое зло!»

«Ахъ, Джіакомо!» сказала вспрѣвоженная Розалія. «Не говорите объ этомъ. Одна мысль наводитишь на меня ужась!»

«Да обратитишь судьба опъ насъ такое зло!» повторилъ Джіакомо нѣжнымъ голосомъ.

«Ради Бога, Джіакомо! переспаньте меня пугать!» воскликнула Розалія.

«Человѣкъ — пловець на океанѣ жизни!» сказалъ Джіакомо. «Ясное солнце вливаетъ бодрость и радость въ его душу, попушный вѣспрь живитъ его надежды! Но вдругъ проливные порывы выгоняютъ изъ-за горизонна собравшійся шучи, солнце скрывается, небо являетъ грозный видъ, буря реветъ, и ушлая доска опдѣляетъ его опъ бездны! Волны несутъ! Ахъ! одинъ ударъ о подводный камень, и щепа разлетѣлась — и нѣтъ спасенія! — Благородная, великодушная Розалія! Тучи уже набѣгаютъ! Спаси, до бури, пловца — моего друга!»

«Джіакомо! говорите! я готова сдѣлать все, что могу!»

«Желаю только знать, гдѣ живетъ Полковница. Мой другъ Лоренцо хочетъ самъ съ нею объяснись.»

«Вашъ другъ — Графъ Кольмаръ.» —

Джіакомо вскочилъ. «Какъ!» воскликнулъ онъ, съ величайшимъ удивленіемъ, «вы знаете» —

«Знаю, Синьоръ Вольдемаръ, знаю.» — Удивленіе Джіакома возрасало; онъ споялъ по-

раженный, смущенный симъ неожиданнымъ опкръпиемъ. — «Чему вы такъ удивляеесь?» продолжала Синьора Розалія. «Кажеся, что удивляеесь надобно мнѣ, удивляеесь, что вы — опытный, умный Синьоръ Джіакомо, считали возможнымъ опъ любопытства женщины, пылающей къ вамъ любовію, скрывать свои секреты. Вы мужчины молчаливы, а мы женщины хитры; вашей молчаливости измѣняюшь, а нашей хитрости помогаюшь обспояшельства.»

«Да какъ вы это узнали?» спросилъ смущенный Джіакомо.

Розалія улыбнулась. «Вы не повѣрите,» опвѣчала она, «если я вамъ скажу, что молчаливый Синьоръ Джіакомо самъ все вывелъ наружу.»

Джіакомо выспавилъ на нее свои глаза.

«Да, самъ вывелъ наружу,» продолжала Синьора. «Помните ли вы, Джіакомо, какъ вы однажды пришли ко мнѣ угрюмый, невеселый, задумчивый, распроеанный, и не хотѣли мнѣ сказать, что съ вами случилось. Я позволила вамъ ночевать у меня; вы заснули. Но я, превожаясь вашимъ распроеанствомъ, сидѣла въ креслахъ возлѣ васъ, и наблюдала за вашимъ покоемъ. Вы начали бредить; говорили много по Ипаліански, по Французски, и, къ удивленію моему, по Нѣмецки. Вы нѣсколько разъ повпоргли имя

Лоренцо, называя его Сіапельспвомъ, Графомъ Лоренцо, и живописцемъ Кольмаромъ; называли меня, увѣряли меня, что вы мой вѣрный Вольдемаръ и пр. Вы во снѣ говорили, все смѣшивая и перемѣшивая, но мнѣ бодрствовавшей не трудно было привести все въ надлежащую связь, чему не мало способствовало то обстоятельство, что вы скрывали отъ меня свою родину, и вдругъ заговорили на опечеспвенномъ своемъ языкѣ. Вы хранили свою пайну, а я хранила свою. Но присовокупляю, что я ничего болѣе не знаю, какъ только то, что живописецъ Лоренцо есть Графъ Кольмаръ, а вы не Джіакомо, но Вольдемаръ. Въ началѣ я, правда, еще сомнѣвалась; но когда вы подарили моей Терезіи золотыя сережки, то я разсмотрѣла бумажку, въ которой онѣ были завернуты; это было писмецо Французскими липерами на Нѣмецкомъ языкѣ писанное къ Вольдемару и подписанное Графомъ Кольмаромъ. Я спрячала это писмецо; а на другой день послала своего Піетро къ живописцу Лоренцо съ записочкою, чтобы онъ благоволилъ меня увѣдомить, не угодно ли ему будетъ написать портретъ одной дамы; что въ случаѣ его согласія назначены будутъ дни и часы для сеанса. Я получила отвѣтъ, смичла почерки, и нашла, что то писмецо и это отъ отвѣтъ писаны одною

рукою. — Далѣ, Синьоръ Вольдемаръ, я ничего не знаю. Я довольно неосторожно обнаружила, что Полковница мнѣ извѣстна, и вы пребуете подробнѣйшихъ о ней свѣдѣній. Я гопова вамъ помочь, но мнѣ надобно все знать, хопя бы только для удовлешворенія женскаго любопытства.»

Джіакомо между тѣмъ собрался съ мыслями, сѣлъ къ Синьорѣ Розаліи на диванъ, и началъ такъ: «Человѣку и сны опть Зевеса! Судьбѣ угодно было, чшобы успа мои выдали чужую шайну, а вамъ, любезная Розалія, угодно было спящаго болпуна подслушать. Эшо перспть Божій! сказалъ бы Панглось, и лучше не могло бы случиться въ семь лучшемъ изъ возможныхъ міровъ! Все къ лучшему! Еслибъ я спящій не выболпалъ шого, чшо поклялся хранить шайною, шо бодрспвующій не рѣшилъ бы вамъ, прелеспная Синьора Розалія, ее опкрышь; а вы, добрая Розалія, по швердоспи своего характера конечно опказали бы намъ въ своей помощи. Теперь все другое! Я не имѣю причины скрывать шого, чшо вы уже знаете, а вы конечно, узнавъ оспальное, охопно намъ поможете. И такъ, все къ лучшему! — Прощу же слушать, повѣшпованіе мое будетъ очень коропко.»

«Только чшобы было и опкровенно!» прибавила Синьора Розалія.

« Не имѣю причины, правдолюбивая Синьора, къ испинѣ примѣшиваць вымыслы. Живописецъ Лоренцо естъ Графъ Кольмаръ, владѣтель огромнаго имѣнія въ живописныхъ горахъ Исполиновыхъ. Машери своей онъ лишился на двѣнадцатомъ году возраста, опца своего два года предъ симъ. Онъ воспитанъ соотвѣтственнo своему сану и богатству, но не по обыкновенной методѣ. Человѣку нельзя дать того, чего въ немъ нѣтъ, и истинное воспитаніе помогаетъ только развитію душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, и великое искусство попребно уже только для того, чтобы не мѣшало оному развитію, или не давало ему несвойственнаго ему направленія. Это правило, коимъ старый Графъ руководствовался, сохранило молодого Графа отъ многихъ дурачествъ, глупостей и предразсудковъ, прививаемыхъ молодымъ людямъ высокаго званія. Молодой Графъ имѣлъ полную волю дѣлать, что хотѣлъ; уклоненіе съ прямого пути къ чему либо безнравственному было предусматриваемо и отклоняемо, или встрѣчало въ старомъ Графѣ грознаго и неумолимаго карапеля. Молодой Графъ имѣлъ полную волю разсуждать, какъ хотѣлъ; и старый Графъ ему еще помогалъ и доводилъ его разсужденія до послѣдней границы возможнаго, или до послѣдней почки превысшренности, съ копорой молодой Графъ

могъ окинуть однимъ взоромъ или все заблужденіе, или все изыщество своихъ мыслей. Бывъ часпо свидѣлемъ такихъ бесѣдъ, я неоднократно имѣлъ случай и причины удивляться смѣлоспи и рѣзкимъ рѣчамъ молодаго, и хладнокровію, перпѣнію и искусству спараго Графа. Ихъ бесѣды походили совершенно на Duo, въ копоромъ играють варіаціи на одну и ту же тему поперемянно по пошъ, по другой. Часпо спарикъ только вшорилъ; иногда игралъ и Solo, но не выходилъ ни изъ тона, ни изъ такта, въ копоромъ обыкновенно начиналъ молодой Графъ. Часпо походили они на двухъ пылкихъ коней, пущенныхъ въ респалище, и напрягавшихъ свои силы, чтобы опередить другъ друга. Присовокушше къ сему, что молодой Графъ ни въ чемъ не былъ стѣсняемъ, ни въ занятіяхъ, ни въ увеселеніяхъ, имъ избираемыхъ, ни въ расположеніи дня; тогда вы, прелесная Розалія, повѣрите мнѣ, если я скажу, что онъ весьма рано научился смопрѣшь на все, его окружающее, совсѣмъ иначе, нежели другіе, что сердце его чисто, какъ стекло вашего уборнаго зеркала, и что онъ пріобрѣлъ, можетъ быть излишнюю довѣренность къ самому себѣ. Онъ учился всему, чего нынѣшнее воспитаніе пребуешъ, и имѣя опличныя способности, оплично во всемъ успѣлъ.

Ему было двадцать четыре года , когда старый Графъ скончался , и онъ вступилъ въ наслѣдство и управленіе огромнымъ имѣніемъ. Первое время онъ провелъ непримѣнно въ разныхъ распоряженіяхъ ; но когда онъ все привелъ по своему мнѣнію и желанію въ порядокъ , когда имѣлъ много свободнаго времени , по ему наскучила единообразная и одинокая жизнь въ помѣстьяхъ своихъ. Однажды вечеромъ , сидя въ своемъ кабинетѣ погруженный въ мысли , онъ вдругъ вскочилъ , прошелся по комнатамъ скорыми шагами , и сѣвъ опять на свое мѣсто , сказалъ : «Я думаю , любезный Вольдемаръ , что какъ у Шекспира находятся намѣки , указующіе въ какомъ смыслѣ должно понимать или характеръ какого либо лица или всю пьесу , такъ и въ человѣкѣ есть такіе намѣки , указующіе , что ему надлежитъ дѣлать.» — «Сомнѣваюсь , отвѣчалъ я , намѣки стихопворца произвольные; въ человѣкѣ».... «Поспой! поспой! перервалъ онъ меня ; ты Шекспира не понимаешь , другъ мой ; у Шекспира нѣтъ ничего произвольнаго , и намѣки въ его пьесахъ не его ; эти намѣки невольныя обнаруживанія характера лицъ самихъ. Такъ и въ человѣкѣ есть такіе намѣки. Напримѣръ , скажи мнѣ , для чего еще въ томъ возрастѣ , когда я не умѣлъ оплечать хорошее отъ дурнаго , для чего родилась во мнѣ такая

спрасить къ Испаліанскому языку ; когда господствуешь у насъ во всемъ Галломанія ? Для чего родилась во мнѣ спрасить къ живописи , когда , по мнѣнію нашихъ умниковъ , мнѣ , какъ Графу , приличнѣе было бы покупать , нежели самому писать картины ? для чего ? — «Ваша душа искала пищи и занятій , сказалъ я , а что вы избрали преимущественно языкъ Испаліанскій и живопись , это дѣло случайное.» — Онъ возразилъ : «какъ Аспрологъ Сени , въ Валленштейнѣ , говоришь , что нѣтъ ничего маловажнаго ; такъ я себѣ скажу , что нѣтъ ничего случайнаго . Все имѣешь свою причину , свою цѣль ; все въ связи . Но мы слишкомъ близоруки , чтобы видѣть часни , все связующія ; а бѣдный умъ нашъ , мудрствуя , часто разрываетъ сію дивную тонкую ткань ; и это источникъ всѣхъ бѣдствій . Если бы мы болѣе прислушивались къ самимъ себѣ , какъ мы должны прислушиваться къ рѣчамъ Шекспировыхъ лицъ , если хотимъ понять ихъ характеръ и ихъ дѣйствія , то конечно не сбивались бы съ пути , предначертаннаго судьбою . Я прислушался къ себѣ . Спрасить моя къ Испаліанскому языку и къ живописи , думаю предметамъ въ понятіи моемъ неразрывнымъ , указывающимъ мнѣ на Испалію . Ожидается ли меня тамъ что , или нѣтъ ; я того знать не могу . Но я хочу видѣть эту землю , ко-

порая мнѣ и въ Испоріи являешся лучезарною, хочу видѣть сію опчизну военнаго величія, духовной власпи и изящныхъ искусствъ.» — «Вижу, опвѣчалъ я ему, что вы прислушались къ себѣ; на моемъ языкѣ эпо значить — вы возымѣли желаніе пупешеспвовать, видѣть людей.» — «Точно, перервалъ онъ, при этомъ случаѣ хочу видѣть и людей; людей, Вольдемаръ; не Герцоговъ, Графовъ, Маркизовъ и пр., но людей, Вольдемаръ, людей.» — «А развѣ Герцоги, Графы, Маркизы и пр. не люди?» спросилъ я. — «Люди, опвѣчалъ онъ, но почно шакъ какъ и акперы на сценѣ люди; въ этомъ шеапрѣ я еще успѣю побывать. А чпобы мнѣ возможно было видѣть людей, по я воспользуюсь своимъ искусствомъ и, оставивъ дома пышность и Графскій шипуль, которые насъ опъ людей, или людей опъ насъ удаляютъ, опсправивъсь въ сопровожденіи только одного слуги, подъ именемъ живописца Лоренцо. Если, прибавилъ онъ улыбаясь, если вамъ, почпеннѣйшій Вольдемаръ, угодно мнѣ сопупшспвовать, по я не опкажусь опъ удовольствія вашей бесѣды; однако не иначе, какъ съ шѣмъ, чпобы Вольдемаръ благоволилъ промѣнять сіе звучное имя на другое, не менѣе звучное, на примѣръ, Джіакомо и хранишь свое и мое званіе и имя какъ пайну.» — Тысяча мыслей, одна другой пріятнѣе,

зашевелились въ моей неугомонной головѣ. «Я гошовъ, воскликнулъ я въ восхищеніи; вмѣсто кляпвеннаго обѣщанія, вопль вамъ моя рука, Графъ! Прикажете закладывать!» — «Не горячись, Синьоръ Джіакомо, сказалъ онъ, приказаніе уже дано. Завтра въ шесть часовъ упрямы ѣдемъ.» — У Графа все уже было приготоовлено. Съ портфелью, карандашами и красками, съ кошелькомъ, набитымъ червонцами, и съ нѣсколькими векселями, мы на другой день въ назначенный часъ сѣли въ коляску, и опсправились.

Нѣскольکو помолчавъ, Джіакомо продолжалъ: «хотя я и принадлежу къ тѣмъ характерамъ, для коихъ, въ теоріи и на практикѣ, жизнь не иное что какъ *une partie de plaisir*; кои, убѣгая глубокихъ размышленій, не столько учающихъ, сколько смущающихъ человека, любующся картинами прошедшихъ дней, не любопытствуютъ поднятъ завѣсу будущаго, и пользуются настоящимъ, срывая цвѣткн веселія и наслажденія, гдѣ находятъ: однако я начинаю вѣршь, что есть въ человекѣ наметки, о коихъ говорилъ Графъ. По крайней мѣрѣ, жизнь Графа, еслибъ онъ не оставилъ своихъ помѣспевъ, выпянулась бы въ единообразную нить вѣчности; шупь жизнь его дѣлается драмою, копорую надобно разыграть. Узелъ завязался въ Венеціи.

Но я долженъ, внимательная Синьора Розалія возврашиться за нѣсколько лѣтъ назадъ , дабы повѣспованіе мое имѣло надлежащую связь и ясность. Если я прежде сказалъ, что начинаю вѣришь намѣкамъ въ человѣкъ, по пеперь я долженъ еще присовокупить, что бывають событія въ жизни человѣческой, кои по внезапности своей, или по сокровенности внутренней связи, столь чрезвычайны, что человѣкъ, ихъ видѣвшій находясь вдругъ на межѣ двухъ міровъ, приходитъ въ недоумѣніе, и, опвергавъ прежде ихъ возможность, наконецъ начинаешъ вѣришь тому, чему умъ смѣялся, потому что оно смѣется уму. За два года до кончины стараго Графа , молодой Графъ по дѣламъ семейспвеннымъ посланъ былъ опцомъ своимъ въ одно изъ сѣверныхъ Государствъ Европы. Я былъ его соупникомъ. Нѣсколько времени спустя послѣ пріѣзда нашего туда , познакомившись съ лучшими домами въ городѣ, мы однажды приглашены были однимъ богатымъ помѣщикомъ и знапнымъ чиновникомъ на балъ, копорый онъ давалъ въ загородномъ своемъ домѣ, въ чепырехъ миляхъ опъ города. Все, чѣмъ роскошь и упонченность вкуса прельспить могутъ глаза и воображеніе, все, кажешся было придумано и выполнено, а пріяпность и любезность хозяйки и привѣпливость хозяина , возбуждали во всѣхъ гостяхъ веселый духъ и

поддерживали общее удовольствіе. Предъ всѣми опличался въ панцахъ — Графъ, съ дочерью хозяина, прелесною дѣвицею, созданною, кажешся, для того только, чтобы поселить въ мущинахъ сердечную шоску. Графъ въ началъ былъ чрезвычайно веселъ; но вдругъ, по причинѣ мнѣ и по нынѣ неизвѣстной, веселость его исчезла, и когда время клонилось къ полуночи, онъ, подошелъ ко мнѣ, шепнулъ, что намѣренъ по шихоньку уѣхать. Но какъ онъ ни шепталъ, однако споявшій позади меня Баронъ Массингеръ, который принадлежалъ къ первымъ нашимъ знакомствамъ въ томъ городѣ, услышалъ его слова, и сказалъ ему: «вы собираешесь домой, Графъ; признайтесь, и я желалъ бы бытъ уже на покоѣ. Если угодно, поѣдемъ вмѣстѣ.» Графъ согласился. Мы по шихоньку удалились изъ залы, опыскали своихъ людей, накинули шубы, и сани закрипѣли по снѣгу. Погода была прекрасная, ночь свѣплая. Не оптѣхали мы и полмили, какъ поднялся сильный вѣпръ, и кучерь спросилъ Графа, не прикажешъ ли ворошиться, потому что подымается мяпель, и впереди до города нѣтъ ни деревни, ни хапы. — Ему приказано было продолжать путь.»

«Не желаю, чтобы споль нѣжный цвѣшокъ, какъ вы, прелесная Розалія, когда либо, или по собспвенному желанію, или по опре-

дѣленію судьбы, перенесенъ былъ въ пѣспраны, копорыя благопворное солнце освѣщаетъ столь крапкое время. Вы, щаспливая Синьора Розалія, родились въ благословенныхъ поляхъ Италіи, и ваше воображеніе, имѣя предъ собою всегда прелеспнѣйшія карпины Природы и Искусства, не знаешь ужасовъ Сѣвера, гдѣ взоръ не любуенся медленнымъ развитіемъ весны и ея почекъ, гдѣ природа, дѣйствуя скрыпно и быспро, лишаешь насъ восхищельнаго зрѣлица развивающейся красосы, гдѣ въ одну ночь безцвѣпная спрана превращается въ роскошную жизнь расщипельнаго царспва, гдѣ прелести Природы мгновенно исчезаюпть, скрываеть за снѣжными облаками. Солнце удаляется, спѣша скрываеться подъ горизонпомъ, медлитъ появленіемъ своимъ пробуждапть смерспныхъ къ новой дѣящельности; земля лишаешь своихъ украшеній; все цѣпенѣетъ въ морозѣ, и какъ кровь въ жилахъ спынетъ при наспупленіи смерщи; такъ быспрѣйшее движеніе рѣкъ слабѣетъ, печенія нѣпть. Снѣгъ и мракъ длинныхъ ночей покрываютъ землю. Горе пушнику, выѣхавшему изъ многолюднаго города въ дорогу, ведущую чрезъ необозримое поле, и пересѣкаемую дальними селеніями, когда засщигаетъ его вѣспрь и вихрь. Снѣжная пыль поднимается съ земли, спускается съ облаковъ — небо и земля исчеза-

юшь — всюду бѣлая пѣма! Самый зоркій глазъ не видишь далѣе десяти шаговъ! бѣлая дорога сливается съ необозримымъ полемъ! нѣшь слѣдовъ, и надобно, или оспановиться, или продолжатъ путь свой на удачу. Въ обоихъ случаяхъ угрожаетъ величайшая опасность, и часто встрѣчаютъ неизбежную смерть.»

«Снѣжная пыль начинала уже подыматься и крушиться въ воздухъ. Кучеръ еще разъ спросилъ Графа; не прикажешь ли ворошиться? Но Графъ, не зная еще опасности, съ гнѣвомъ повпорилъ прежнее свое приказаніе. Баронъ не опасавалъ. Вскорѣ кучеръ оспановилъ лошадей, и объявилъ, что онъ сбился съ дороги. Долго совѣщались, въ какомъ направленіи ѣхать. Наконецъ кучеръ просилъ позволенія предоспавить лошадямъ волю идти, куда хотятъ, говоря, что это единственное средство въ такихъ случаяхъ, и что лошади обыкновенно попадаютъ на какую либо дорогу. Графъ согласился, и дабы намъ не потерять другъ друга, по коренную лошадь ѣхавшаго за нами Барона привязали къ задку нашихъ саней. Такимъ образомъ ѣхали мы съ часъ, какъ кучеръ оспановилъ лошадей, говоря, что-то впереди въ весьма близкомъ разстояніи виднѣется. Послали лакея узнать; это была хижина въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ споявшая. Холодъ и опасеніе оцѣль

сбихся съ дороги заспавили насъ искапъ въ сей хижинѣ убѣжища, и обождапъ, пока мяшель пройдепъ.»

«Графъ, прошивъ своего обыкновенія, во все время нашего спранспвованія молчалъ, погруженный въ задумчивость. — «Здѣсь, видно, царспво смерпи,» сказалъ Баронъ, выходя изъ саней; «не слыхашъ и лая собаки.» — Мы вошли въ сѣни. — «Едва ли здѣсь кпо живешъ,» продолжалъ Баронъ, «и мы принуждены будемъ сидѣпъ въ попѣмахъ.» — Въ сіе мгновеніе лакей, опыскавши оцупью дверь, опворилъ ее. Мы оспановились пораженные свѣпомъ и спраннымъ зрѣлицемъ, копорое намъ предспавилось. Лакей, оцѣпенѣвъ, и выспавивъ свои глаза, держалъ въ рукѣ дверь, не зная, что дѣлапъ. У спѣны прошивъ опкрышой двери споялъ длинный споль, на копоромъ горѣло восемь свѣчъ, поспавленныхъ въ помъ порядкѣ, въ какомъ спавяптъ геридоны около гроба; проспранспво спола, ими заключаемое, было покрыто бѣлымъ полпномъ; за споломъ на скамѣ, проспиравшейся вдоль по всей спѣнѣ, въ простѣнкѣ двухъ оконъ, сидѣлъ человекъ высокаго роста — голова его была совершенно лысая — изсохшее его продолговатое лицо, съ опспрыми подбородкомъ и носомъ, не оживлялось никакимъ цвѣпомъ — на лбу надъ лѣвымъ глазомъ видѣнъ былъ красный, какъ бы кро-

вью наипный рубецъ — оловянные глаза его, коихъ взоръ успремленъ былъ на споль, бѣлый плащъ, покрывавшій, какъ саванъ, всѣ прочія часпи его тѣла, и неподвижность всей фигуры, могли бы свидѣльствовать, что онъ сокрушилъ запворы своего гроба и сидѣлъ тамъ въ ожиданіи спрашнаго суда, если бы судорожное движеніе успъ и лѣвой щеки не доказывали, что онъ принадлежалъ еще къ живымъ.»

«Графъ посмопрѣлъ на меня, какъ будто желая получить отъ меня какое либо объясненіе, и первый вошелъ въ комнапу, за нимъ Баронъ и я. Дверь за нами сама захопнулась, и кажешся, каждый изъ насъ вздрогнулъ. Вдоль боковыхъ стѣнъ спояли длинныя скамьи, а по лѣвую руку видна была еще одна дверь. Впрочемъ все было голо, и даже не видашь было и иконы. Мы сѣли, я по лѣвую, Графъ и Баронъ по правую руку спола, въ нѣкопоромъ отъ онаго распояніи. Баронъ, не скрывавшій ни въ какихъ случаяхъ своего вольнодумства, хотѣвшій, вѣрояпно, и тогда выказашъ свою храбрость, посмапривалъ съ язвипельною улыбною на спраннаго челоуѣка и на Графа, сидѣвшаго въ задумчивости, которая меня болѣе превожила, нежели спрашний незнакомецъ. Нѣсколько минушь продолжалась безмолвная сцена. Вдругъ незнакомецъ медленно

поднялъ голову, обратилъ шускые свои глаза на Барона и сказалъ глухимъ гробовымъ голосомъ: «се царство смерти! Тебя, кощунъ, ожидаешь великое несчастье.» — Баронъ примѣпно въспревожился, но желая выдержать свой характеръ, собрался съ духомъ и отвѣчалъ ему: «если тебѣ дано слышать какъ расшеть правда, и видѣшь что кроется за завѣсою будущихъ временъ; по благоволи изъ глубины премудрости пвоей возвѣспишь леспнѣйшее.» — «Въ царствѣ смерти не леспнѣшь!» сказалъ незнакомецъ. Щеки и уста его пришли въ сильнѣйшее движеніе. — «Внимай, кощунъ!» продолжалъ онъ; «прежде, нежели солнце прижды совершишь свой пупъ, ты изъ міра порядка видишь въ міръ смяшенія, ппнадцать лѣтъ тебѣ суждено, не узнавать ни себя, ни другихъ; попомъ возвращиши свѣтъ въ душу пвою, но только для того, чтобъ ты позналъ плачевнѣйшее состояніе свое. Тогда ты впорично сойдешь съ ума и въ бѣшенствѣ умрешь.» — Баронъ молчалъ, пораженный споль ужаснымъ предсказаніемъ. Графъ не выходилъ изъ задумчивости своей, но на лицѣ его выражалось спокойствіе. Я не зналъ, что думать: считаешь ли незнакомца за высшее существо, копорому извѣспны судьбы смерпныхъ, или попались мы въ сѣпи обмана, а можешь быть, въ опасное для жизни нашей мѣсто. Глубокое

молчаніе, воспослѣдовавшее за предсказаніемъ, перервалъ опять незнакомецъ, медленно обратившій свое ужасное лице ко мнѣ, и сказавшій: «се царство смерти, а не царство лжи и обмана, и жизнь швоя и поварищей швоихъ безопасна.» — У меня волосъ спалъ дыбомъ. — «Долго,» продолжалъ онъ, «обращаясь къ Графу, «долго я тебя ждалъ, Графъ.» — При сихъ словахъ Графъ вышелъ изъ своей задумчивости. — «Кпо ты?» спросилъ онъ незнакомца рѣшипелнымъ голосомъ. «Кпо тебя послалъ? и по чему ты меня знаешь?» — «Не спрашивай меня. Не въ моей власти состоипть, опвѣчать на швои вопросы. Знай, что для меня нѣтъ ни времени, ни пространства. Человѣкъ слѣтъ, яко кропъ! онъ веселился на канунѣ смерти! чаша удовольствія увѣнчана цвѣтами, но она оправлена горечью и ядомъ. Подойди ко мнѣ, Графъ.» — Графъ вспалъ, и подошелъ къ нему съ нѣкоторою робостью. — «Смотри, Графъ!» сказалъ незнакомецъ, вынувъ изъ подъ плаща лѣвую руку, которая принадлежала болѣе скелету, нежели живому человѣку, держа ею блестящее серебряное блюдо, — «смотри, Графъ,» повпорилъ онъ, повернувъ блюдо къ глазамъ Графа. Графъ сморѣлъ въ блюдо, лицо его начало измѣняться, волосъ подымался. — «Не робѣй, юноша!» сказалъ онъ. «Ты видишь послѣднюю сцену.» И вскорѣ

попомъ спряпалъ блюдо опяшь подъ плащъ. Молча споялъ Графъ какъ испуканъ, успремивъ глаза на незнакомца. Баронъ сидѣлъ съ поникшею головою, вперивъ взоры свои въ полъ. Я неперпѣливо ожидалъ развязки. Графъ, сдѣлавъ движеніе, чпобы возвратиться къ своему мѣспу, вдругъ сильно вспревожился, оставааясь у спола, къ кошорому подошелъ.— «Не робѣй!» сказалъ незнакомецъ. «Свобода еспь плодъ повиновенія! Соберись съ духомъ! Смопри, Графъ.» — Съ сими словами онъ вынулъ изъ подъ плаща правую руку, держа въ ней зеркало.— «Смопри, Графъ!» повшорилъ онъ. Графъ бросилъ робкій взглядъ на стекло; взоръ его прояснился! на устахъ появилась улыбка и на лицѣ его изображалось удовольствіе и радость. — «Графъ!» сказалъ незнакомецъ и спряпалъ зеркало опяшь подъ плащъ; «ты хотѣлъ знашь, кто я!» Графъ молчалъ.— «Познай меня!»— Съ сими словами онъ сдернулъ бѣлое полошню со спола, и взоры Графа пали на вдѣланный въ споль спальной лиспъ. Лице его поблѣднѣло, онъ зашাপался, и схвятивъ себя за лобъ, бросился изъ хапы вонъ. Мы почувспвовали сильный запахъ мершваго. Баронъ глубоко вздохнулъ, но сидѣлъ неподвижно. Я хотѣлъ броситься за Графомъ, коего соспояніе меня сильно вспревожило, но никакъ не могъ вспашь. Спрашннй незнакомецъ сидѣлъ спокойно на своемъ

мѣспѣ , покрывши опять сполъ полопномъ , и обращая свои спрашныя глаза по на Барона, по на менѣ. — « Скажи, » обратился онъ наконецъ ко мнѣ , « скажи Графу , что я съ нимъ еще увижусь ! » — Вдругъ свѣчи погасли, мы оспались въ глубокомъ мракѣ , а надъ нами раздался пѣжкѣй спонъ . Хона робоспѣ мною и овладѣла , однако я не совсѣмъ лишился паяши и присущспвѣа духа . Почувспвовавъ свѣжѣй воздухъ вокругъ себя , мнѣ какъ-то спало легче ; и увѣрившись , что могу ноги свои привести по волѣ въ движеніе , я вскочилъ. — « Баронъ ! вы спущъ ? » спросилъ я громкимъ голосомъ . — « Тущъ ! » опвѣчалъ онъ . Схванивъ его за руку , копорая сильно дрожала , я пощацилъ его за собою вонъ изъ избы . Мы вышли на улицу ; мяпель уже прошла ; сани Бароновы спояли въ гоповноспи. — « Гдѣ Графъ ? » спросилъ я . — « Уже давно уѣхалъ, » опвѣчалъ лакей . « Слышали ль вы спенаніе ? » спросилъ я . — « Ничего , сударь , не слышали ; все было шихо , какъ въ могилѣ. » Мы сѣли въ сани , и лошади помчали . »

« Камердинеръ Графа вспрѣшилъ меня съ лицомъ спревоженнымъ . Графъ очень боленъ , сказалъ онъ . « Давно ли онъ прѣхалъ ? » спросилъ я . « Съ полчаса, » опвѣчалъ камердинеръ ; « онъ ходилъ по комнапѣ , блѣдный какъ смерть , оспанавливался , говорилъ несвязныя рѣчи , блуждалъ глазами , чего-то боялся . Въ изне-

моженіи онъ упалъ безъ памяти на софу ; я его поскорѣ раздѣлъ , положилъ въ постель и послалъ за докторомъ.» — Въ сію минушу вошелъ и докторъ. Мы пошли къ больному. Графъ лежалъ въ постель съ сомкнутыми глазами , похожій болѣе на мертваго , нежели на живаго ; холодный потъ выступалъ на лицѣ его. Докторъ , щупая пульсъ , качалъ головою. На вопросы его о причинѣ болѣзни я отвѣчать не могъ , чувствуя сильное отвращеніе разглашать столь спранный произшествіе. «Я думаю,» сказалъ я ему, «что Графъ сильно простудился. Докторъ качалъ головою. Прописавъ лекарство и подавая мнѣ рецептъ ,» соблюдайте, » сказалъ онъ, «совершенную пищину; малѣйшій спускъ можетъ лишить его жизни. А когда проснетъ , то поспѣшите ему дать лекарство , на которое я впрочемъ и самъ не надѣюсь. Черезъ шесть часовъ , если онъ еще будетъ живъ , я опять буду.» — Я остался съ камердинеромъ у постели больнаго. Что въ душѣ моей тогда происходило , я описать не въ состояніи. Если бы Графъ не въ такомъ былъ положеніи , то я все счелъ бы за спранный сновидѣніе. Умъ мой , не могши согласиться съ дѣйствительностью видѣннаго мною , перялся въ разныхъ догадкахъ , и чѣмъ болѣе я спарался все объяснить и видѣть въ семъ произшествіи хитросплетенія обмана , тѣмъ болѣе оно

спановилось для меня неизъяснимымъ. Черезъ часъ Графъ проснулся и быспро поднявшійсь въ постель, смобрѣлъ на меня дикимъ взоромъ долго, долго, какъ будто усиливаясь что-то припомнить.— «Такъ и ты,» сказалъ онъ наконецъ, «переселился въ царство мершвыхъ? — Ты Вольдемаръ? — да! пакъ! точно! — я помню. — Смерть не успѣла еще совсѣмъ испребишь моей памяти. — Ты Вольдемаръ. — Смерть быспра — я думалъ опть нее ускакашь, но не въ свои сани сѣлъ. — Кони мчали — кучерь погонялъ ихъ дикимъ голосомъ — снѣгъ клубился около меня — холодъ впекалъ въ жилы — свиспъ и вой въ воздухъ — все спановилось пемнѣе — мрачнѣе — сани черныя — по не сани были — по былъ гробъ — а коней погоняла смерть — мы прѣехали къ врапамъ царства мершвыхъ.— Смотри какое спеченіе прѣхавшихъ!—Намъ, Вольдемаръ, надобно подождать, пока насъ пропускашь.» — Сказавъ сіе, Графъ замолчалъ и глубоко вздохнулъ. Молча камердинеръ подаль ему чашку съ лекарствомъ; Графъ машинально ее взялъ, долго на нее смобрѣлъ и наконецъ выпилъ. «Ты кто?» закричалъ онъ вдругъ ужаснымъ дикимъ голосомъ и бросилъ чашку, кошорая разлещлась на мелкіе кусочки. «Прочь исчадіе ада! прочь призракъ!» и упалъ опянь безъ памяти на подушку. Вскорѣ выступилъ сильный потъ, лице его пылало!»

«Не спану вамъ, прелестная Розалія, въ подробности описывать ужаснаго положенія моего друга и благодѣтеля; ни состоянія души моей, которая, при столь плачевномъ зрѣлищѣ, невольно вспоминая необыкновенную причину онаго, волновалась страхомъ и надеждою. Графъ долго оспавался въ безпамятствѣ, и спрашныя фанпазіи, которыми онъ бредилъ и мучился, относились всѣ къ тому произшествію, и вѣроятно къ тѣмъ явленіямъ, которыя онъ видѣлъ въ серебряномъ блюдѣ, въ зеркалѣ, и въ спальномъ лиспѣ. И тогда даже, когда стараніями медика больной получилъ облегченіе, и здоровье его начало, хотя очень медленно, возвращаться, и тогда еще воображеніе его было въ сильномъ дѣйствіи, но пораждало, кажется, припнѣйшія каршины. Ибо во время перелома болѣзни, послѣ глубокаго сна, продолжавшагося придцать шесть часовъ, Графъ вздохнулъ, какъ обыкновенно вздыхающъ, чувствуя большое облегченіе, пихо капились слезы изъ его глазъ, улыбка освѣжила его лице. «Посмотри,» сказалъ онъ мнѣ слабымъ прерывающимся голосомъ, «посмотри, Вольдемаръ, ангелъ мой передо мною; какъ ее зовушь, я не знаю — но она моя — моя, Вольдемаръ, — она назначена для меня — она ждетъ меня — сей часъ буду. — Вольдемаръ! веди меня къ ней.» Съ того времени онъ

становился все спокойнѣе, всѣ его мечпанія имѣли одинъ только предмѣтъ — ее; и когда онъ уже въ состояніи былъ сидѣть въ постель, онъ велѣлъ себѣ подать бумагу и карандаши, началъ что-то чертить, но рука его еще слабая, дрожала, и онъ долженъ былъ оставить свое предпріятіе. Здоровье его постепенно, хотя и медленно, и когда ему уже позволено было опять заниматься своими любимыми предметами; но онъ ежедневно запирался въ своемъ кабинетѣ, и кончивши картину, коей занимался, позвалъ меня однажды къ себѣ въ кабинетъ, и снявъ пологно, коимъ картина была покрыта, сказалъ: «смотри, Вольдемаръ, вотъ плодъ моей болѣзни!» — На картинѣ изображена была женщина необыкновенной красоты и привлекательности. — «Что ты молчишь, Вольдемаръ?» сказалъ Графъ, когда я въ безмолвномъ восхищеніи смотрѣлъ. «Что скажешь?» — «Сожалѣнія достойно было бы,» отвѣчалъ я, «если бы столь прелестный цвѣпокъ дѣйствительно когда нибудь явился въ жизни!» — «По чему же такъ?» спросилъ Графъ, явно смущенный сею мыслью. — «Потому,» отвѣчалъ я, «что время, все измѣняющее, все пожирающее, не пощадило бы и его. Представивъ же себѣ померкшими сіи чистѣйшіе глаза, въ коихъ видна душа, ко всему доблестному и изящному пламенѣющая, сіи ла-

нипы, въ розахъ коихъ покояшся всѣ Граціи и Амуры, покрытыми браздами спароспи; и эти двѣ сферы.... Графъ! такая метаморфоза наводитъ на меня ужасъ, и желаніе мое, чтобы никогда подобное существо не пипалось плодами земли, весьма еспешвенно.»—«За чѣмъ же,» возразилъ Графъ, «дѣло времени предоспавлитъ воображенію? Наслаждайся настоящимъ, скажешь тебѣ всякій мудрецъ.»—«Хорошо,» отвѣчалъ я, «еслибъ челоуѣку дано было жить въ настоящемъ! Онъ живетъ только или въ прошедшемъ, или въ будущемъ; настоящего для него нѣтъ. Настоящее-только скоропечныя мгновенія, съ быспрошою молніи гонимыя будущими къ прошедшимъ. — «А развѣ,» сказалъ Графъ, «плачевную твою метаморфозу не лзя замѣнить другимъ чѣмъ?»—«Чѣмъ?» спросилъ я.—«Я воображаю,» сказалъ Графъ, «что такое существо, въ то самое время своего совершенства, когда оно, такъ сказать, спомитъ на межѣ Природы и Искусства, дѣлается добычею смерти! Въ такомъ случаѣ, образъ его, какъ идеаль красоты, будетъ вѣчно жить въ сердцѣ и фантазіи видѣвшихъ его.»—«Въ такомъ случаѣ,» сказалъ я, «горе, прикрасы горе тому, кто, вспунивъ въ сферу сего существа, преисполнилъ душу свою сладчайшими ощущеніями блаженства, которому бы и боги завидовали.» — Графъ, опустивъ по-

пихоньку полошно, закрыль оцпшь карпину. Изъ фанпазій его во время болъзни, изъ жара, съ какииъ онъ принялся за кисти, чшобы одушевитиъ полошно сею карпиною, изъ меланхолии и грусти, съ какою онъ разсмащриваль собспвенное свое, испинно удивительное произведеіе, я съ душевнымъ прискорбіемъ замъшилъ, чшо гнъздилась въ его головѣ та мысль, чшо сіе сущесиво, порожденное его разгоряченнымъ воображеніемъ, должно сущесивовать въ мірѣ, и съ нимъ когда нибудь соединишься. Но я молчалъ, боясь, воспоминаніемъ прошедшаго, распревожишь его воображеніе; не могъ рѣшишься сказаць ему и того, чшо шопъ спранный человекъ съ нимъ еще увидишься; шѣмъ болѣе, чшо Графъ самъ, взявъ меня за руку, сказаць: «Любезный Вольдемаръ! Въ воображеніи моемъ лежатъ, шакъ сказаць, обломки какого-шо спранныго и спрашнаго произшесивія, изъ коихъ я шщепно усиливаюсь соспавишь нѣчшо цѣлое. Я не помню, было ли оно на яву до моей болъзни, или шолько въ хаопическомъ смяшеніи карпинъ распаленнаго горячкою воображенія; но я прошу тебя, ни когда не упоминашь мнѣ о шомъ, чшо со мною было; не считаю нужнымъ, чшобы и другіе про шо знали. А какъ дѣла мои на сихъ дняхъ приведены будупъ къ успѣшному окончанію, шо пошрудись все изгошовишь въ дорогу. Надѣюсь, днл черезъ

при, или чепыре, бытъ на возвращномъ пути домой.»—Принявъ сіе приказаніе, я поспѣшилъ къ Барону Мессингеру, котораго я до сихъ поръ къ Графу не допускалъ, и просилъ его, чтобы онъ при прощаніи съ Графомъ оплодъ не упоминалъ о прошедшемъ. Баронъ далъ и сдержалъ слово. Происшествіе было для всѣхъ тайною. Человѣку, видѣвшему эту сцену, я тогда же, по возвращеніи домой, сомкнулъ уста, увѣривъ его, что мерзвецъ, котораго онъ видѣлъ, объявилъ, что кто про него болшая будетъ, подвергнется ужасному наказанію, и совѣщивалъ ему бытъ осторожнымъ. Человѣкъ радовался, что еще не успѣлъ ни кому о томъ рассказать. Баронъ молчалъ, или приведенный въ недоумѣніе, или боясь компрометировать свой здравый разумъ. Я видѣнному ни вѣрилъ, ни не вѣрилъ; предсказаніе, сдѣланное Барону, не выходило у меня изъ памяти, и съ неперпѣніемъ ожидая назначеннаго срока, просилъ я одного пріятеля Баронова, и моего, извѣщать меня по временамъ о Баронѣ. По окончаніи дѣла, для коего Графъ былъ посланъ, мы возвратились въ свое отечество. Графъ, пользуясь совершеннымъ здоровьемемъ, сдѣлался по прежнему спокойнымъ и веселымъ; по временамъ только находилъ я его сидящимъ въ глубокой задумчивости предъ своею картиною. Веселія и наслажденія, коимъ я по прежнему предавался, совершенно изгла-

дили изъ моей памяти по происшествіе. Но представьте себѣ, нѣжная Синьора Розалія, шось громовой ударъ, коимъ я пробужденъ былъ опъ усыпленія разноцвѣтной усадилельной жизни, когда, за нѣскольکو мѣсяцевъ до нашего опъѣзда въ Ипалію, я получилъ письмо, извѣщавшее меня, что Баронъ Мессингеръ лишился ума.»

«Праведный Боже!» воскликнула Синьора Розалія, сплеснувъ руками. «И пакъ судъ Твой совершился! Нечеспивецъ Тобою взысканъ!» — «Какъ!» сказалъ Джіакомо, «вы знаете Барона Мессингера?» — «Знаю,» опвѣчала она. «Но прошу васъ продолжатъ. Узнавши, что Баронъ Мессингеръ, знакомое вамъ лицо, собспвенныя мои выгоды пребуиопъ, чпобъ я вамъ рассказала преспупленія сего изверга. Но теперь прошу продолжатъ вашъ разсказъ.»

Джіакомо продолжалъ пакъ: «Я вамъ, прелеспная Синьора Розалія, уже сказалъ, что узель драмы, которую Графу надобно разыграпъ, завязался въ Венеціи. Въ прелеспныхъ окреспностяхъ сего города, которыя вамъ, Синьора, знакомы, въ шести миляхъ опъ города находилса дача, которая живописнымъ своимъ положеніемъ привлекаепъ взоры любилпелей Природы, изящеспвомъ и пышностью дворца и другихъ спроеній напинаепъ, что служилъ мѣспопребываніемъ челопъку знапному, богатому, образо-

ванному. Упро было восхипительное , когда Лоренцо , пѣшкомъ , въ сопровожденіи своего слуги , несшаго за нимъ порпфель и ящикъ , приближался къ сему дворцу , коего облада-телемъ онъ былъ приглашенъ. Чистое и яс-ное небо , благораспворенный воздухъ , раз-новидная природа имѣють сильнѣйшее вліяніе на Лоренцо ; сердце его преисполняется жи-вѣйшихъ ощущеній , воображеніе его пылаеть , всѣ силы душевныя быспро развиваются , онъ погружается въ какое-то мечшательное упое-ніе , и тогда бесѣда его открываетъ несмѣш-ныя сокровища мыслей , и рѣчь его , спано-ваясь живѣйшимъ изображеніемъ его идей , изливается быспрымъ потокомъ , увлекая за собою удивленнаго слушателя. Но со всту-пленіемъ его въ кабинетъ Графа Пизани сіе расположеніе духа исчезло. Лоренцо началъ озираться и вперилъ испышующій взоръ на Графа , копорый , въ свою очередь , удив-лялся , видя предъ собою человека , неподви-жно споящаго и озирающагося , подобно пѣмъ , кои , пробудившись онъ живѣйшаго сновидѣнія , и не зная проснулись ли они , или еще во снѣ , усиливаются припомнить , гдѣ находились. Приписавъ это однакожь , по самолюбію человѣческому , особенно силь-ному въ высшихъ званіяхъ , дѣйствію высо-каго своего сана , величественности своего вида , и блеска его окружающаго , Графъ

вспаль съ важностью , и, подошедъ къ Лоренцо, сказалъ: «слава вашей кисти возбудила во мнѣ желаніе съ вами лично познакомиться. Но я вижу, что вы не со всѣмъ здоровы, и сожалью, что вы принудили себя немедленно послѣдовать моему приглашенію.»

Лоренцо, опомнившись послѣ сихъ словъ, опивчалъ: «извините, Графъ! Бываютъ случаи въ жизни человѣческой, копорыхъ умъ никакъ не можетъ постигнуть, и кои по сей самой причинѣ приводятъ насъ въ замѣшательство. Я теперь нахожусь въ подобномъ случаѣ. Увѣренъ будучи, что я въ первый разъ спою на семь мѣспѣ, я вмѣспѣ съ пѣмъ увѣренъ, что я уже видѣлъ и сей самый кабинетъ и предстоящаго мнѣ Графа; но щещно усиливаюсь припомнить, гдѣ и когда? Это меня приводитъ въ недоумѣніе. Прошу васъ, Графъ, меня извинить, и располагать моею готовностью къ услугамъ вашимъ.»

«Это дѣйствительно спрашно!» сказалъ Графъ. «Я васъ въ первый разъ вижу; я знаю, что вы никогда въ семь кабинетѣ не бывали; и вы его видѣли! Если вы въ первый разъ въ Венеціи, то вы меня также нигдѣ не видали, развѣ лѣшь двадцать тому назадъ, во время моего путешествія по Европѣ, въ одномъ изъ сполчныхъ городовъ оной; но и это дѣло невозможное; попому

что тогда вы еще были малолѣтны. А съ пѣхъ поръ я изъ Венеціи не выѣзжалъ, развѣ только на свою дачу, а изъ дачи въ Венецію. Но оставимъ эту задачу, прибавилъ Графъ. Не спойте, можете быть, труда ее разгадывать. Искусство, въ которомъ вы столько опличаетесь, будетъ конечно пріятнѣйшимъ для бесѣды нашей предметомъ. Я съ особеннымъ удовольствіемъ узналъ, что вы, Синьоръ, опличаетесь въ портретной живописи.»

«Я ею занимаюсь, но ее не люблю,» отвѣчалъ Лоренцо. «Портретная живопись собственно не есть искусство, Графъ; по крайней мѣрѣ, не искусство въ высшемъ смыслѣ.»

«Это сколько противорѣчитъ моимъ понятіямъ,» сказалъ Графъ, «что вы безъ сомнѣнія меня много обяжете, Синьоръ, если не скроете отъ меня причинъ, на коихъ основывается ваше мнѣніе.»

«Портретная живопись,» отвѣчалъ Лоренцо, «есть подражаніе Природѣ, исключющее творческую силу фантазіи. Въ портретахъ уважаютъ обыкновенно нѣжную кисть — это мастерство; и разительное сходство, — и это мастерство, а не искусство; почти такъ, какъ сдѣлать *fac simile* какого нибудь почерка, не есть искусство, а мастерство. Въ сеансѣ живописецъ имѣетъ предъ собою или лицо безобразное, или лицо обыкновен-

ное, незначительное, или лицо прелестное. Въ первомъ случаѣ положеніе его весьма неприятно, и пѣтъ неприятнѣе, что ожидають опъ него, чтобы онъ, сохранилъ сходство, искусно скрылъ недостатки природы; между пѣтъ, какъ онъ одною черпою желалъ бы возвысить безобразіе до идеала въ своемъ родѣ и пѣтъ доставить нѣкоторое удовольствіе и занятіе своему воображенію. Во второмъ случаѣ положеніе его еще хуже; ибо ничтожность какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ, пропивна; угодливый хочеть льстить, т. е. изъ сферы ничтожности вывести въ высшую сферу значительности, и дѣлается лжецомъ, покинувшимъ дѣйствительность и не переселившимся въ область идеаловъ, висящимъ, такъ сказать, между небомъ и землею. Въ третьемъ случаѣ, который весьма рѣдко встрѣчается, пребуютъ наиболѣе почности, полагая, что Природа превзошла Искусство, и что довольно славы для Искусства, если оно въ почности повторитъ Природу. Все же, что не изъ шворческой силы фанпазіи происпекаетъ, есть мастерство, но не Искусство.»

«Я съ вами въ томъ согласенъ, Синьоръ,» отвѣчалъ Графъ. «Но вы поставили портретиспа на низкую степень копимспа. Портретиспа свою задачу еще не рѣшилъ, когда онъ сдѣлалъ *fac simile*: т. е. когда онъ

перенесъ на холспину полько наружность лица. Кажется, Синьоръ, попробно, чшобы въ лицѣ видна была и душа.»

«Это доказываесть полько доброту вашего сердца, Графъ,» сказала Лоренцо, «если вы думаете, чшо всякое лицо, сидящее предъ живописцемъ, оживлено душою. Только въ лицѣ шого человекъ, копорый живетъ въ мѣрѣ идеальномъ, видна душа, видна не полько въ глазахъ, но и во всемъ окладѣ лица его. Таковыхъ смертныхъ не много; всѣ же прочіе спящъ, пьющъ, ѣдящъ, производящъ на свѣтъ дѣшей, и оканчивающъ свое поприще, какъ начали, бывши во всю жизнь свою машиною; а въ машинахъ, согласитесь, Графъ, души бытъ не можетъ.»

«Спало бытъ,» сказала Графъ, «рѣшипельный вашъ приговоръ, чшо поршрешная живопись естъ полько масперспво, допускаесть ограниченіе.»

«Допускаесть, Графъ,» отвѣчалъ Лоренцо. «Она можетъ бытъ и Искусствомъ въ высшемъ смыслѣ, а именно, коль скоро она избираесть предметы изъ обласпи исторической, или изображая лица неисторическія, избираесть моменпъ значительный. Но у многихъ во всей жизни не сыщется ни одного шакого моменпа. Жизнь ихъ не естъ удивительная разнообразная тканъ, но предлинная нить, наводящая длиною своею скуку и

испребляюща всю жизнь въ лицѣ. А тѣ, кои имѣютъ въ жизни своей такіе моменты, въ которыхъ вся сила души ихъ изображалась на лицѣ, не открываютъ сей тайны живописцу, а довольствуются тѣмъ, что бы онъ ихъ изобразилъ сидящими въ креслахъ и тому подобное, однимъ словомъ, въ совершенномъ покоѣ, въ которомъ душа скрывается подъ безцвѣтнымъ покрываломъ скуки. Высшее пребудетъ опять портретиста, избирающаго предметы свои изъ области исторической. Тутъ предстоитъ живописцу труднѣйшая задача, сочетать видимое съ невидимымъ, данное съ искомымъ, въ происхожденіи буквы, смысла и духа. Смотря на портретъ великаго государя, великаго полководца, великаго мыслителя и пр., мы ищемъ въ чертахъ его, такъ сказать, доказательствъ его величія, и портретистъ, перенесшій на холстину со всею точностью наружность его лица, конечно не рѣшилъ еще своей задачи. Портретъ такого лица долженъ быть тѣмъ, къ которой вся жизнь его есть комментарий. Сего портретистъ иначе достигнуть не можетъ, какъ посредствомъ творческой силы фантазіи, создавъ не идеаль, но лице, принадлежащее къ области идеальной съ самостоятельной индивидуальностью. Тогда только портретистъ становится живописцемъ, и написанное имъ

изображеніе переспаеть бышь произведени-емъ масперспва, является пвореніемъ Искусства. — Но позволше, Графъ, еще разъ предложшпъ мою готовность къ услугамъ вашимъ.»

«Послѣ сего, что вами сказано, не знаю,» сказалъ Графъ, «могу ли вамъ предложшпъ писатъ порспрепъ лица неисторическаго. Но если вы согласны со мною, что бывающъ и неисторическія лица съ возвышеннымъ образомъ мыслей и чувспвованій, и если опцу проспшптельно желаніе имѣть порспрепы своихъ дѣшей, съ которыми, можетъ бышь, скоро разспанешся; то я просилъ бы васъ написатъ порспрепъ единспвенной моей дочери.»

«Графъ!» отвѣчалъ Лоренцо, «еслибъ живописцы хопѣли и на пракпикѣ держатъся своихъ умозрѣній, то конечно они имѣли бы много празднаго времени; впрочемъ нѣтъ правилъ безъ исключенія. Позволше вамъ еще разъ предложшпъ мои услуги.»

«Графъ Пизани, немогшій согласоватъ величавость и гордость Графа Кольмара съ живописцемъ Лоренцо, пришелъ въ нѣкопое замѣшанельство, и молчалъ, ненашедшисъ пощчасъ, что сказатъ.»

«Въ сію минупу безмолвія опворилась боковая дверь. — Неумѣспно было бы, Синьора

Розалія, описывавъ вамъ красоту и преле-
сти вошедшей юной Жозефины, и не до-
спало бы у меня искусствва въ словахъ,
какъ въ зеркаль, показавъ вамъ ея образъ.
Пусть собственное ваше воображеніе соз-
дасть существо, въ которомъ непоспужи-
мымъ образомъ сливается въ одну магиче-
скую силу все, что сердце преисполняетъ
блаженствомъ, что въ чувствва вливаетъ
чистѣйшую сладость, что оковываетъ умъ,
или даетъ ему высшее спремленіе, что во-
ображенію кажется мечпою идеальнаго міра.
Вы, безъ сомнѣнія, теперь полагаете, что
Лоренцо, при видѣ ея, пришелъ въ восторгъ.
Правда! Лоренцо чувствовалъ, что земля
подъ нимъ колеблется, исчезаетъ; но на
блѣдномъ его лицѣ выражалось не восхищеніе,
а страхъ и ужасъ! Ухватясь за спуль, воз-
лѣ него споявшій, онъ едва могъ сказаъъ:
«Графъ! я нездоровъ,» — Графъ, сдѣлавъ
дочери знакъ удалиться, посадилъ Лоренца
въ кресла, и позвонивъ, приказалъ вошед-
шимъ людямъ опвесити Лоренца въ назна-
ченныя для него комнапы, сказавъ ему:
Вамъ нуженъ покой, Синьоръ! Вы, безъ со-
мнѣнія, сами желаете удалиться. Лоренцо
подавъ головою знакъ согласія. Его опвели.
Жозефина, уходя, остановилась въ дверяхъ,
и долго смотрѣла на Лоренца, чего однако
же заняпый имъ опецъ незамѣпилъ.»

«Жакъ прискакалъ за мною въ Венецію: «Maestro Lorenzo очень нездоровъ! Приказалъ васъ немедленно просить къ себѣ.» — Я приѣхалъ туда, когда день уже склонился къ вечеру. Лоренцо ходилъ въ задумчивости по комнаѣ. — «Вы нездоровы, Лоренцо? что съ вами случилось?» спросилъ я. — «Былъ нездоровъ,» опвѣчалъ онъ, «теперь мнѣ лучше, и когда съ побою объяснюсь, то, думаю, совсѣмъ буду здоровъ. Садись, Джакомо, и выслушай меня. Помнишь ли ты, продолжалъ онъ, по время, когда мы, за два года до кончины моего родителя, находились на Сѣверѣ? помнишь ли, что съ нами встрѣшилось, когда мы возвращались съ бала съ Барономъ Мессингеромъ домой?» — «Помню,» опвѣчалъ я, «но не охотно вспоминаю.» — Онъ продолжалъ: «по происшествіе кончилось для меня тяжкою болѣзною; и съ тѣхъ поръ оно покоилось въ глубинѣ души моей, превожа меня по временамъ, какъ нѣчто невѣдомое. Сегодня со вступленіемъ въ кабинетъ Графа Пизани, оно начало постепенно выпупать и развиваться, и съ появленіемъ Жозефины спояло со всѣми подробностями и во всей ясности предъ моимъ воображеніемъ. Кабинетъ Графскій, точно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ естъ, самаго Графа, и наконецъ дочь его, Жозефину, я видѣлъ — въ зеркалѣ спрашнаго незнакомца. Мнѣ предлагающъ пи-

самъ ея порпуреть, а порпуреть ея уже давно написанъ! Она та самая, копорую я видѣлъ въ зеркалъ, та самая копорую воображеніе мое съ непоспижимою ясностью произвело во время болѣзни, та самая копорую кисть произвела на холстѣ.» — «Какъ!» воскликнулъ я удивленный. — «Точно такъ, какъ я тебѣ говорю,» продолжалъ Графъ. «Скажу еще болѣе: Она та самая, копорая наполняетъ собою мое сердце и всѣ мои помышленія.»

«Я до того удивленъ, Графъ!» сказалъ я, «что и не знаю что думашъ.»

«Ни швое, ни мое удивленіе, не объяснятъ намъ сего непоспижимого событія. Можешъ бытъ, время все открывающее, обнаружитъ и эту тайну. Въ догадкахъ и соображеніяхъ перятъся я не намѣренъ; но очень не худо было бы открыть того спрашнаго незнакомца, и я прошу тебѣ, Джіакомо, ничего не упускашъ изъ вниманія, и если хоть малѣйшій покажется слѣдъ къ открытію его, пошчасъ мнѣ о томъ сказашъ.»

«Графъ!» сказалъ я ему. «Торопешъся, кажешся, не нужно. Я имѣю отъ него къ вамъ порученіе.»

«Какъ!» воскликнулъ Графъ. «Такъ ты съ нимъ видѣлся? гдѣ? когда?»

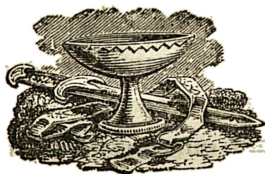
«Тамъ же и погда же,» отвѣчалъ я, «когда и вы съ нимъ видѣлись. Вспомните, что вы послѣ того, что онъ вамъ показывалъ въ

спальномъ листѣ, бѣжали изъ избы; Баронъ же и я, мы принуждены были оспаться на мѣспахъ, не имѣвъ силы вспась. И тогда онъ мнѣ сказалъ: скажи ты Графу, что я съ нимъ еще увижусь! — «Слѣдовательно,» сказалъ Графъ, «этошь незнакомецъ принадлежишь къ живымъ; и опъ него можно будешъ попребовать объясненія.» — «Графъ! опвѣчалъ я, «вы знаете, сколь мало я вѣрю въ привидѣнія и духовъ, пошому что не могу поспигнуть возможности оныхъ; не это происшествіе споль спранно, по крайней мѣрѣ, предвѣдѣніе незнакомца сполько меня поразило, что, не соглашаясь счипашъ его за пришельца изъ другаго міра, не могу также согласиться и полагапъ его въ числѣ живыхъ. Онъ зналъ мои мысли, онъ показалъ вамъ шѣ лица, между кошорыми вы теперь находипесь, онъ сдѣлалъ предсказаніе, кошорое исполнилось.» — «Какое?» спросилъ Графъ. — «Баронъ Мессингеръ, кошорому предсказано было, что онъ изъ міра порядка видешъ въ хаосъ смяпенія — дѣйспвипельно лишился ума.» — Графъ смопрѣлъ на меня съ удивленіемъ. — «Я получилъ извѣспіе о шомъ,» продолжалъ я, «не за долго до нашего опъѣзда въ Ипалію и не сообщалъ вамъ его, боясь вспревожипъ ваше воображеніе.»

«Какъ бы шо ни было,» сказалъ Графъ послѣ нѣкошораго молчанія, «кто бы онъ ни

былъ , кажешся , я не долженъ его считатьъ врагомъ. Одно только меня смущаетъ и превожитъ — двусмысленность его оракула! Ибо я видѣлъ и Жозефину , подающую мнѣ съ ангельскою улыбкою прелестнаго младенца , и себя — казнимаго на лобномъ мѣстѣ съ Бакаловичемъ и Шельдинымъ. Впрочемъ , не поспигая какими бы пупями , мною избираемыми , я могъ дойти до столь почешнаго мѣста , я предоспаваю все времени , завязывающему и развязывающему узлы.»

* * ђ.

НЕДОСОЗДАНИЕ.

*Вотще окъ стонетъ изступленный ;
Ему не внемлетъ Фебъ скупой :
И гибнетъ міръ новорожденный
Въ груди безсилной и нблгой.*

Х о м я к о в ъ .

Есть существа , рожденныя съ чувствомъ Поэзіи , съ воображеніемъ живымъ и шворящимъ , съ обиліемъ идей , — и при всѣхъ сихъ стихіяхъ Поэша безмолвствующія не изъ скромности , не отъ лѣни , или скупаго эгоизма. Нѣтъ! онѣ болѣютъ своею шворческою полношю , онѣ мучатся внутреннимъ своимъ плодородіемъ ; но не могутъ ничего произвести. Созданія свѣжія , прелестныя , возвышенныя , зараждаются въ душѣ ихъ , и умираютъ зародышами до появленія на свѣшъ. Имъ недостаетъ дуновенія жизни , воплощенія въ формы ошупишельныя.

Человѣкъ , надѣленный симъ внутреннимъ шворчесствомъ , чувствуетъ необходимость

облечь свои мечпы въ живое слово , хочеть бышь Поэпомъ. Передъ нимъ мелькають слова огненные , окриленные , возносящіяся надъ плѣніемъ земнымъ , могущія пережить вѣки и гошовыя пролихся пламенною спруею въ души современниковъ и попомспва. Онъ ловишь ихъ съ напряженнымъ усиліемъ , но они ускользають опъ него , какъ рѣзвая бабочка опъ руки младенца ; и если удастся ему поймать изъ нихъ хопя нѣсколько , по онъ , упранивъ прежнюю свою прелеспъ и свѣжеспъ въ изнурипельной бишвѣ , упрямо ложатся подъ перомъ его , не у мѣспа , безъ блеска , безъ единспва , безъ связи , вялыми и безжизненными. Спихъ его , копорый до словесной своей оболочки казался ему чиспымъ , звучнымъ , сладоспнымъ , шеперь является слабымъ , грубымъ , шероховатымъ , и дикимъ ревомъ опдается въ слухъ самого Поэпа-пруженика. Въ жару негодованія , онъ предаетъ огню недосозданныхъ своихъ первенцевъ , и спыдится собспвенной человѣческой немощи передъ своею силою духовною.

Онъ хочеть бышь живописцемъ , оспановишь живошворною кистью на полошнѣ быспрый полешъ своей фанпазіи. Условія искуспва ему извѣспны : онъ изучаль ихъ по образцамъ вѣковымъ , самобышпнымъ. Мысленный взоръ его видишь надъ собою черпы свѣшлыя , плѣнительныя , опраженіе небесна-

го на землѣ; онѣ проникнуты ярко-блещащими красками радуги; жизнь, какъ въ зеркалѣ, опсвѣчивается въ нихъ; но жизнь высшая, идеальная. Онѣ вскакиваютъ въ воспоргъ, спѣшишь набросать ихъ на полошнo; но сіи черпы, за минушу споль совершенныя, споль ясныя, споль полныя, выказываются изъ-подъ его кисти разрозненными, несвязными и мушными. Прошла минуша вдохновенія; предспавленіе споль живое испарилось изъ воображенія Художника; и щцепно онѣ силился собрать воедино сіи разбросанныя черпы: изъ нихъ никогда не выйдешь прекраснаго цѣлаго... Неблагодарная кисть покрываетъ слоями одной краски сей шрудъ неблагодарный.

Но есть еще возможность осуществитъ свои созданія, есть еще средство Художнику дѣйствовать быспро и сильно на сердца и души: онѣ хочеть бытъ музыкантомъ. Цѣлый міръ звуковъ зыблеться надъ нимъ, вшѣсняется въ его душу и рвется вылиться изъ нея свѣплюю, очаровательною рѣкою сладкогласія. Онѣ слышитъ гармонию небесъ; самыя дивныя созвучія опзываются въ ухахъ его и сливаются въ одно спройное цѣлое.... О! поспѣшай, поспѣшай схватить ихъ и водворить въ своемъ произведеніи по законамъ гармоніи!... Поздно! онѣ положилъ ихъ на ношы, ударилъ пальцами по струнамъ — и

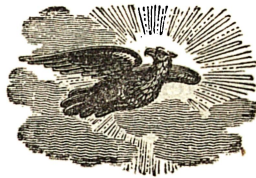
самъ изумился разногласію созданія съ произведеніемъ. Звуки сладостныя, лелѣющіе слухъ и доспигающіе до сердець, оплелѣли въ эфирную свою опчизну; оспались полько неспройныя, ревушіе аккорды, раздрающіе слухъ своею жесткостью, либо пронзительнымъ визгомъ. Или, если они и подчинены правиламъ, подведены подъ ладъ и единство; но уже упростили первобытную новостъ и своеобразность, и сдѣлались упоминательными для слушателя, слабо напоминая ему нѣчто знакомое и лучшее. Художникъ-Иксіонъ кланетъ свою лживую Юнону-фанпазію, обольстительный призракъ безъ осязанія и сущности, и поропитси испребитъ земную невѣрную пѣнь ея.

Обмануемый въ своихъ начинаніяхъ, не довѣря болѣе своимъ мечтамъ, онъ спѣшитъ уединиться въ самого себя. Тамъ міръ свѣпый и пворящій, міръ идеаловъ и мыслей, всегда новый, всегда юный, всегда заманчивый оплѣтъ объемлетъ его и заспавляетъ упѣшитъ въ неудачахъ. Тамъ созданія, образы, звуки, цвѣта, попеременно и спройно усаждають его чувства духовныя. Но сей міръ не даетъ душѣ покоя: онъ шерзаетъ, помитъ ее, поминушно приводя въ болѣзненныя сопрясенія, подобно избытку крови въ здоровомъ пѣлѣ; онъ проситъ жизни, проситъ воплощенія въ существенность....

Онъ пересиливаетъ и страхъ, и досаду, и недовѣрчивость своей жертвы, — и новыя попытки ея составляютъ только цѣпь новыхъ, убійственныхъ разочарованій....

Пусть объяснятъ намъ Физиологи причину сего страннаго недосозданія; пусть они докажутъ намъ: отъ чего воображеніе пылкое, богатство мыслей, короче, всё спихіи Поэта, какъ мы уже сказали выше, бываютъ еще недоспапочны для художественной производительности? Мы видимъ явленія сего загадочнаго раздора двухъ силъ: внутренней и внешней, подозрѣваемъ его дѣйствія; но причина его еще сокрыта отъ насъ, завѣсою непроницаемой. Лафатеры, Гали, Алиберы! вы должны рѣшить сію задачу.

О. С о л о в ъ.

СТАРЦЪ ГРИГОРІЙ СКОВОРОДЪ.

Pro sua cuique parte.

Cicero.

Григорій Скворода родился 1726 года умеръ 1794 года. Жилъ 68 лѣтъ.

«Судьба захотѣла бытьъ Сквородъ мачихой.» — Такъ выразился однажды одинъ изъ безприсраспныхъ почипапелей памяти сего необыкновеннаго челоуька, философа или богумудра, какъ называли его сограждане, старца, какъ называлъ онъ самъ себя.

Назначивъ ему, еще девятилѣтнему опроку, жестокій удѣлъ сиротства, она сдѣлала его съ этой ранней поры жалкою игрушкой случая, и съ этой ранней поры, поставивъ его на поприще самыхъ суровыхъ, самыхъ горькихъ испытаній, заставляла его

пріучахся сносити равнодушно всѣ непріятности и угнѣшенія, и наконецъ взлелѣла въ немъ по хладнокровіе наблюдателя, по независимость въ образѣ мыслей, по странную причудливость въ образѣ поступковъ, наконецъ по постоянную охоту учиться познанію свѣта, странствуя, и вѣчно учиться и вѣчно странствовать, кои въ послѣдствіи времени образовали его характеръ, можетъ быть, совершенно прошивно его сложению, его природнымъ склонностямъ.

Сковорода отъ природы былъ добръ, имѣлъ сердце чувствительное, слѣдственно и сострадательное, и склонное къ любви и дружбѣ; но, росшій и выросшій сиротою, онъ долженъ былъ привыкнуть по неволѣ къ такому состоянию одиночества, — и сердце его должно было притупиться съ важными чувствами, подпастъ подъ иго меланхоліи, и загрубѣвъ, а недовѣрчивость, вскармленная опытами, погасила въ немъ и послѣднюю искру чувствительности, — и судьба наконецъ взяла свое — съ лѣтами созрѣло въ немъ это ледяное чувство отчужденія отъ людей и свѣта, чувство единственное, какое могло питать оно. И могло ли быть иначе? Тотъ только можетъ родниться съ другимъ своими чувствами, чье сердце съ дѣтства привыкло любить родственною любовью, дыша въ дѣлится родственнымъ доверіемъ.

Умъ Скворода шель пою же дорогой: сначала бодрый, игривый, онъ мало по малу тяжельль, дѣлался своенравнѣе, независимѣе, дичалъ все болѣе, и наконецъ погрузился въ мрачную бездну миспицизма. Припомъ вспомнимъ время, когда жилъ Скворода: миспики или квіениспы разыгривались тогда повсюду въ Германіи, — Скворода побывалъ въ эпой спранѣ, и навсегда сохранилъ предпочпеніе къ ней предъ всѣми прочими, исключая родины своей. — Легко понять, опъ чего Скворода заслуживалъ часто имя чудака, если даже и не юродиваго. Съ сердцемъ охладѣлымъ, съ умомъ, подавленнымъ миспицизмомъ, вѣчно пасмурный, вѣчно одинокій, своеобразливый, себялюбивый, гордый—признакъ необходимый ума строптиваго, — въ просномъ крестьянскомъ платьѣ, съ причудами, — Скворода могъ по справедливости заслужить эпо названіе. Онъ жилъ самъ собою, — эпо всякому покажется чуднымъ.

Скворода жилъ самъ собою, удаляясь всегда опъ людей какъ опъ ближнихъ, зная и изучая ихъ, какъ изучаетъ Естествоиспытатель хищныхъ звѣрей; эпо правда; но шѣмъ не менѣе онъ желалъ блага чловѣчеству. Онъ убѣгалъ людей не потому, что презиралъ ихъ, а можетъ быть, потому, что боялся. — Эпо видно изъ всѣхъ его

сочиненій, содержащихъ въ себѣ впрочемъ не одиѣ только нравоученія, но часто и жесточайшія сапиры на пороки — и чаще послѣднія. Эпошъ духъ сапиризма — самая разительная черта его характера. Онъ вездѣ находилъ, или лучше сказать, вездѣ спарался найдши худую сторону, — и эпо самое всегда унижало его благородное стремленіе къ пользѣ общей. Но — человекъ неволенъ самъ въ себѣ. И его добродѣтели, и его пороки, и странности, и образъ мыслей, все въ немъ часто зависить отъ обстоятельствъ, все въ немъ такъ шапко, такъ переходчиво! Обстоятельствва.... надобно имѣть слишкомъ швердый, слишкомъ самостоятельный духъ, чпобъ быть въ состояніи противустоять ихъ власти. Могъ ли Скворода мыслишь иначе, нежели какъ онъ мыслилъ, или инымъ взглядомъ смотрѣшь на все, его окружающее! Его жизнь — вопъ гдѣ должно искать основанія всей его философіи, его холоднаго мистицизма, любившаго упѣшатъ ся ироническими взглядами на самое возвышенное въ природѣ человеческой; жизнь — сѣпленіе бѣдствій и угнѣпений. И Руссо винилъ человечество, и Руссо глѣдѣлъ на него такими же глазами. Причины были шѣ же. Вопъ что говорилъ Скворода самъ о своей жизни: — «Что жизнь? То сонъ Турка, упоеннаго опіумомъ, сонъ спрашный, — и голова

болишь опъ него , и сердце спынеть ! Что жизнь ! То спранствіе. Прокладываю себѣ дорогу , не зная , куда идиши , зачѣмъ идиши, — и всегда блуждаю между песчаными степями, колючими кустарниками, горными ущесами, а буря надъ головою, и негдѣ укрышья опъ нея. Но бодрствуй ! не предавайся опчаянію. Оно смерпный грѣхъ.» — И Скворода дѣйствительно провелъ всю жизнь свою, какъ спранствіе, — какъ будто осущеспвляя мечпу своего воображенія, а лучшіе годы своей жизни рѣшительно путешеспвовалъ, исходилъ всю Германію, Венгрію, Италію, Грецію, Россію, и возвратился на родину, что бы снова блуждать по оной. Даже въ спароспи своей, онъ не могъ надолго успокоинься на одномъ мѣспѣ.

Первое изъ его нравоучительныхъ сочиненій было : *Нагальная дверь ко Христіанскому добронравію*. Скворода погда только что возвратился изъ-за границы. Будучи проникнушь новымъ ученіемъ, онъ желалъ распроспранить его и на своей родинѣ. Бѣдный спранникъ, въ рублицѣ, являешя онъ въ Харьковъ, и опредѣляешя Учительемъ въ Коллегіумъ. Скоро распроспранилась молва о его учености и краснорѣчіи. Ему препоручили преподаваніе Богословія. Въ предварительной проповѣди онъ высказалъ нѣкоп-

рые мысли свои, — и напугалъ непросвѣщенныхъ своихъ поварищей. И въ самомъ дѣлѣ, могли ли они не быть поражены такимъ громкимъ вступленіемъ. Выписываю оное слово въ слово: — «Убуждшеся, видѣша славу Его! Весь міръ спитъ: да еще не шакъ спитъ, како сказано, аще упадешъ—не разбіешся.... спитъ глубоко, пропянувшись, будпо ушибенъ опъ нея. А наспавники, пасущія Израиля, не только не пробуживаюпъ, но еще поглаживаюпъ, глаголюще: спи, не бойсь, мѣсто хорошее, чего опасаться! Миръ! — И нѣсть мира!» —

Волненіе было готово; но эпо было только начало, и скоро все зашихло.— Сковорода началъ свои уроки, написалъ вышепомннутое сочиненіе, какъ сокращеніе оныхъ, опдалъ рукопись, — и тогда-то буря возспала на него всею силой. Рукопись пошла по рукамъ. Духовенство съ жадностію чипало ее; но какъ нѣкопоры въ ней мѣсна найдены сомнипельными: по Сковороду осудили на опрѣшеніе опъ должности. Конечно, въ семь случаѣ дѣйспвовала болѣе зависпъ, но какъ бы по ни было, невѣжеспво было для нее очень доспапочною подпорой, и оно-то всего болѣе оскорбило Сковороду. Назначены были диспуты. Сочиненіе разобрано на нихъ съ самой дурной спороны, все исполковано въ смыслѣ превращномъ; Сковороду обвинили

въ такихъ мысляхъ, какихъ онъ и имѣшь не могъ. Сковорода опровергалъ своихъ противниковъ умно, краснорѣчиво; всѣ тайно восхищались его краснорѣчіемъ, но рѣшеніе оспалось прежнее. Сковорода принужденъ былъ удалиться изъ Харькова.

Въ краткихъ словахъ я раскажу содержаніе сего сочиненія, споль дорого спойвшаго сочинителя. — Оно состоить изъ Предверія и десяти Главъ. Въ Предверіи говорится о различіи между духомъ и шѣломъ, Богомъ и міромъ. Главная мысль, выраженная въ ономъ, есть: — Нѣшь ничего нужнѣе, какъ счастье, и нѣшь ничего легче, какъ достигнуть онаго: счастье въ сердцѣ, сердце въ любви, любовь въ законѣ Вѣчнаго. — Заключение: — Желая, дабы душа швол, какъ Нсева голубица, необрѣвши нигдѣ покоя, возвратилась къ сердцу швоему, къ Тому, кто почиваетъ въ сердцѣ швоемъ, дабы сбылося оное Исаино: будупъ основанія Твои вѣчная родомъ родовъ и прозовешися зданель оградъ, и спези швои посреди упокоили, — сего желаетъ шибѣ Григорій, сынъ Савы Сковороды. — Глава 1. О Мірѣ видимомъ и невидимомъ, о Богѣ. — Глава 2. О вѣрѣ всеобщей. — Глава 3. О всеобщемъ промыслѣ. — Глава 4. О промыслѣ надъ человѣкомъ. — Глава 5. Заповѣди. — Глава 6. Объ истинной вѣрѣ. Вѣра, Надежда и Любовь. — Глава 7. Выписываю оную

всю сокращенно: — Вся сила заповѣдей заключается въ одномъ словѣ — Любовь. Она — огонь, воспламеняющій сердце волею Божіей, и попому сама — Богъ. Она имѣетъ свои внѣшніе виды, обряды, кои суть по же, что у плодовъ липсы. Но если въ человѣкѣ она состоитъ только изъ внѣшнихъ обрядовъ, тогда остается одинъ обманъ лицемерія, и человѣкъ становится раскрашеннымъ гробомъ, гдѣ или ничего, или прахъ мертваго. Обрядъ же — все то, что можетъ исполнять и самый несчастный бездѣльникъ. — Глава 8. Законъ Божій и преданіе. — Глава 9. О спрасяхъ и порокахъ. — Глава 10. О чистосердечіи, какъ основаніи любви, и слѣдовательно Вѣры.

Это сочиненіе и нѣсколько проповѣдей положили основаніе славѣ и уваженію, коими пользовался Сковорода вездѣ, гдѣ его знали. Спрогая добродѣшель и примѣрные правила еще болѣе увеличили оныя. Впрочемъ Сковорода не искалъ ни славы, ни уваженія. Я уже сказалъ, что онъ жилъ самъ собою, и никогда не заботился ни о похвалѣ, ни о порицаніи. Если онъ былъ оскорбленъ сужденіемъ о своемъ сочиненіи, то попому, что здѣсь спрдало его себямобіе: онъ не могъ равнодушно сносить, чтобы унижали его умъ, его мысли; но онънюдъ не честолюбіе; по

крайней мѣрѣ, сіе послѣднее въ немъ никогда не выказывалось. Замѣчу : онъ любилъ иногда похвастаться своими познаніями, особенно въ языкахъ ; кромѣ Славянскаго церковнаго, Русскаго и Украинскаго, онъ зналъ Нѣмецкій, Греческій и Латинскій, и на всѣхъ прекрасно говорилъ и писалъ. Уваженіе къ Сквородѣ проспиралось до того, что почитали за особенное благословеніе Божіе дому тому, въ которомъ поселялся онъ хоть на нѣсколько дней. Здѣсь кспаци сказать о его безкорыспіи. Онъ могъ бы сославить себѣ подарками порядочное сосполніе; но что ему ни предлагали, сколько ни просили, онъ всегда опказывался, говоря ; дайше неимущему, и самъ довольспвовался только сѣрою свиной, которая была обыкновенною его одеждой. Эпа сѣрая свипа, чобопы прозапасъ, и нѣсколько свипковъ сочиненій, — вопъ въ чемъ соспояло все его имущеспво. Задумавши спранспвовать или переселипсья въ другой домъ, онъ складывалъ въ мѣшокъ эту жалкую свою худобу, и перекинувши его черезъ плечо, опправлялся въ пупъ съ двумя своими неразлучными спупниками : палкой-журавлемъ и флейшой. И по и другое было собспвеннаго его руководѣля.

Мнѣ кажется очень спраннымъ, какъ Скворода миспикъ и такой холодный, пасмур-

ный миспикъ, могъ любить музыку, — и между шѣмъ музыка была его единспвеннымъ удсвольспвіемъ. Или это привычка дѣпспва? — Онъ началъ свое музыкальное поприще еще въ домѣ опца своего — *сопилкою*. Тамъ, одѣвшисъ въ юфшевое плашье, онъ опсправлялся съ раннато упра въ роцу или на берегъ рѣчки, и наигрывалъ на ней, какъ говоришь народъ, священные гимны. Мало по малу усовершенспвовалъ онъ инструменшь свой до того, что могъ на немъ передавать переливы голоса пщиць пѣвучихъ, — эти поднебесные спранники были первыми его учипелеми искуспва мусикійскаго. Въ послѣдспвіи, когда былъ опредѣленъ ученикомъ въ Кіевскую Семинарію, шамъ замѣпили его прекрасный звучный голосъ, замѣпили его умѣнье управлшь имъ и знаніе музыки, взяли его въ пѣвческую, и онъ скоро сдѣлалъ столь удивительные успѣхи, что былъ поспребованъ къ Двору Императрицы Елисаветы, гдѣ находилса около двухъ лѣшь. Находясь шамъ, онъ сложилъ голосъ для духовной пѣсни: *Иже Херувими*, копорый и доселѣ упоспреблется во многихъ сельскихъ церквахъ на Украинѣ (*). Съ шѣхъ поръ музыка и пѣнье

(*) Напѣвъ сей духовной пѣсни подъ именемъ: *придворнаго*, помѣщенъ въ обѣднѣ, по Высочайшему повелѣнію, напечатанной и разосланной по всѣмъ церкхамъ для

содѣлались поспояннымъ занятіемъ Сквороды. Онъ не оспавлялъ ихъ и въ спароспи. За нѣсколько лѣтъ до своей смерпи, живучи въ Харьковѣ, онъ любилъ посѣщать домъ одного спаричка, гдѣ собирались бесѣды добрыхъ, просподушныхъ спариковъ, подобныхъ хозяину. Бывали вечера и музыкальные, и Скворода занималъ въ такихъ случаяхъ всегда первое мѣсто, пѣлъ *grito*, и за слабостію голоса, выпягивалъ прудные Solo на своей флейтѣ — такъ называлъ Скворода *сопилку*, имъ усовершенствованную. Впрочемъ Скворода игралъ и пѣлъ, всегда наблюдая свою важность, задумчивость и суровость. Флейта была, какъ я уже сказалъ, неразлучною спутницей Сквороды, — и переходя изъ города въ городъ, изъ села въ село, по дорогѣ онъ всегда или пѣлъ или, вынувъ изъ-за пояса любимицу свою, наигрывалъ на ней свои печальныя фанпазіи и симфоніи.

Рѣдко, очень рѣдко Скворода измѣнялъ своей важности, а если и измѣнялъ, то въ

единообразія въ Церковномъ пѣніи. Кромѣ сего, Скворода сложилъ веселый и шоржеспвенный напѣвъ: *Христосъ Воскресе*, и Канона Пасхи: *Воскресенія день* и проч., нынѣ употребляемый въ церквахъ по всей Россіи, вмѣсто прежняго унылаго, ирмолойнаго напѣва, и вездѣ именуемый: *Сквородинъ*.

Примѣч. Г. Θ. К — и.

такихъ только случаяхъ, когда дѣйствительно было трудно сохранить оную. Суровый спарець, онъ былъ однако заспѣчивъ, и не могъ терпѣть, когда предъ нимъ величали его достоинства. Онъ становился самъ не свой; онъ перляся, когда предъ нимъ внезапно являлся кто нибудь изъ давно-желавшихъ видѣть его и разливался въ привѣспвіяхъ. Такъ случилось однажды въ домѣ Пискуновскаго, спарика, любимаго Сквородою. Это было вечеромъ, во время ихъ обыкновенной спариковской бесѣды. Молча, съ глубочайшимъ вниманіемъ слушали спарики рассказы и нравоученія спарца, который, выпивши на эпошъ разъ лишнюю чарку вина, среди розыгра своего воображенія, говорилъ хопя и медленно и важно, но съ необыкновеннымъ жаромъ и краснорѣчіемъ. Прошелъ часъ, и другой, и ничто не мѣшало воспоргу раскасчика и слушателей. Скворода началъ говорить о своемъ сочиненіи: *Лопова жена*, сочиненіи, въ коемъ изложилъ онъ главныя основанія своей миспической философіи. Къ сожалѣнію, не могу предспавить вамъ ни одного опривка изъ онаго, ибо не имью шеперь его подъ руками. Скворода расказалъ уже очеркъ; начинаются подробности; — вдругъ дверь съ шумомъ разпволяется, половники хлопаютъ, — и молодой **Ж — ь**, францъ, не давно изъ столицы,

вбѣгаетъ въ комнапу. Скворода при появ-
 леніи сего новаго незнакомаго и споль ему
 чуждаго лица, умолкъ внезапно, будпо оглу-
 шенный ударомъ грома. — «И шакъ, восклицаетъ Х — ъ: я наконецъ доспигъ того сча-
 спія, кошораго споль долго и напрасно жаж-
 даль. Я вижу наконецъ великаго соопече-
 спвенника моего, Г. С. Сквороду! Позволь-
 те....» — и подходитъ къ Сквородѣ. Спа-
 рець нашъ вскакиваетъ, сами собою скла-
 дываются креспомъ на груди его коспля-
 выя руки; горькой улыбкой искривляется
 щощее лице его; черные впалые глаза скры-
 ваются за сѣдыми нависшими бровями, самъ
 онъ невольнo изгибається, будпо желая по-
 клониться, и вдругъ прыжокъ, и препен-
 нымъ голосомъ: «Позвольте!... То-же поз-
 вольте!» и изчезъ изъ комнапы. Хозяинъ
 за нимъ, проситъ, умоляетъ — нѣтъ! —
 «Съ меня смѣются,» — говоритъ Скворода,
 — и убѣжалъ. И съ пѣхъ поръ не хо-
 пѣлъ видѣть Х — а. — Свиданіе Сквороды
 съ Вернешомъ, другимъ чудакомъ Украины,
 было инаково; но это попому, что Скво-
 рода былъ насльшанъ о Вернешѣ, какъ о
 человекѣ добромъ и просподушномъ. Скво-
 рода ожидалъ увидѣть въ немъ что нибудь
 похожее на себя, шолько молодое, и ошибся,
 не могъ смолчать, и назвалъ Вернеша *жени-*
скимъ башмакомъ. Вопъ на чѣмъ основы-

ваешся и несправедливость суждений сего послѣдняго о Сковородѣ. У всякаго есть свое самолюбіе, своя леснь.

Говоря о бесѣдахъ, гдѣ проводилъ время Сковорода, не могу умолчать о порокѣ, въ коемъ его порицають совершенно безъ всякаго основанія. Сковорода былъ пьяница! Вошь что говоришь клевета, и, въ подтвержденіе словъ своихъ, изобрѣшаешь и печатаешь письмо, будто имъ писанное, восклицая: «боченочки, боченочки!» — По сказанію всѣхъ, знавшихъ лично Сковороду, онъ почти вовсе не употреблялъ горячихъ напитковъ, да едва ли кто и говорилъ когда этому пропивное, исключая Издашелей Украинскаго Вѣспника (*). Сковорода вообще опличался особенною умеренностію какъ въ

(*) Никто, даже изъ завистниковъ его, никогда не говорилъ, что Сковорода былъ пьяница, и Издашели Украинскаго Вѣспника не утверждали сего, а при случаѣ указали на противорѣчіе. Написавшій спашью о Сковородѣ помѣщенную въ томъ Журналѣ, приложилъ письма его къ Урюцину, въ коихъ Сковорода, благодаря за присланные боченочки, осушивъ ихъ, возвращаетъ и проситъ о наполненіи и присылкѣ снова; потомъ чрезъ нѣсколько страницъ утверждаетъ, что онъ не употреблялъ горячихъ напитковъ, но при семъ случаѣ Издашели У. В. напомнили только о содержаніи предшествовавшихъ писемъ выраженіемъ: „А боченочки, боченочки?“ —

ницѣ, пагъ и въ пипіи. Онъ былъ настоящій поспникъ. Припомъ, еслибъ онъ имѣлъ порокъ, въ коемъ его обвиняюпъ, по заслужиль-ли бы онъ въ народѣ по безпредѣльное уваженіе, которое сохранилось и доселѣ. Народъ чшипъ память добродѣшельнаго спарца, даже почишаепъ его за челоуѣка просвѣщеннаго духомъ Божиимъ.

Кпо изъ Украинцовъ не знаепъ, по крайней мѣрѣ, не слыхаль о *слѣпцяхъ*, т. е. пѣхъ нищихъ слѣпыхъ, кои, въ сопровожденіи малюпогъ, родныхъ или наемныхъ, ходяпъ изъ двора во дворъ и подъ окнами напѣваюпъ священные пѣсни? Это Украинскіе рапсодиспы. Большая часть пѣсней, кои поюпся ими, супъ сочиненія Сквороды. Народъ называепъ пѣсни сіи *Псалмами*. Думаю, что угожу любопытству нѣкопо-

---

Впрочемъ и самъ Г. С., написавшій сію спашью о Сквородѣ, въ семь мѣспѣ прошиворѣчишъ сказанному имъ выше, что *Скворода, выпивши на этотъ разъ лишнюю рюмку вина* и проч. Слѣдовашельно, хошя Скворода и не былъ пьяница, но не былъ и врагъ существовавшему въ его время здѣсь обыкновенію: въ дружескихъ и пріятельскихъ собраніяхъ, поддерживашъ и одушевляшъ бесѣды упошребленіемъ — не вина, кошораго въ шо время здѣсь, кромѣ Крымскихъ и Волошскихъ и слыхомъ не было слышно, а — разнаго рода наливокъ въ домахъ пріятельскихъ.

Примѣч. Г. Θ. К — и.

рыхъ, переписавши здѣсь одинъ изъ сихъ Псалмовъ, который болѣе другихъ любимъ народомъ, и чаще другихъ поется *слѣпцами*. Выписываю подлинникъ изъ собранія сочиненій Сковороды.

I.

Всякому городу нравъ и права;
 Всяка имѣешь свой умъ голова;
 Всякому сердцу своя есть любовь;
 Всякому люду свой вкусъ хоть каковъ.

А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
 А мнѣ одно только нейдетъ съ ума,
 Какъ бы умерши мнѣ не безъ ума.

II.

Петръ для чиновъ углы паньскіи преть;
 Федька купецъ при аршинѣ все лжеть;
 Тотъ спрощъ домъ свой на новый манерь;
 Тотъ все въ проценсахъ: пожалуй повѣрь.

А мнѣ — и проч.

III.

Тотъ непрестанно спляжаетъ груша,
 Сей иностранны заводитъ скоша,
 Тѣ формируютъ на ловлю собакъ,
 Сихъ шумитъ домъ ошъ гостей, какъ кабакъ.

А мнѣ — и проч.

IV.

Спрошушь на свой шонъ Юришта права ;
 Съ диспушь Спуденшта шерцишь голова ;
 Тѣхъ беспокоишь Венеринъ Амуръ ;
 Всякую голову мучишь свой дуръ.

А мнѣ — и проч.

V.

Смерти страшна замашная коса !
 Ты не щадишь и Царска волоса ;
 Ты не глядишь , гдѣ мужикъ , а гдѣ Царь :
 Все жерешь пакъ , какъ соломѣ пожаръ.

Кшожь на ея плюешь оспрую спаль ?

Топь , чїа совѣсь какъ чистый хрусталь !

Теперь , длъ показанїя того , какъ скоро и какъ искусно измѣняюща народомъ сочиненїя , любезныя пампши его , перепису эту самую пѣсню изъ своего собранїя народныхъ Украинскихъ пѣсень. Мимоходомъ замѣчу :— Если эта пѣсня , въ продолженїи какихъ нибудь пятидесяти лѣтъ успѣла перемѣниться , опойши опъ своего первоначального вида , то что подумашъ о пѣхъ народныхъ спихопворенїяхъ , кои сложены за три или чепыре вѣка до нашего времени ?

I.

Всякому городу нравъ и права ;
 Всяка имѣешь свой умъ голова ;
 Всякому сердцу своя ешь любовь ;
 Всякому люду свой вкусъ хопъ каковъ.

А мнѣ — и проч.

II.

Топъ непрестанно спяжаешь грунша ;
 Сей со всѣхъ націй заводишь скоша ;
 Ты дома спроишь на новый манерь ;
 Деньги съ проценшу — пожалуй повѣрь.

А мнѣ — и проч.

III.

Пепръ для чиновъ углы панскіи прешъ ;
 Федька купецъ при аршинѣ все лжелъ.
 Крупишь на свой ладь приказный права.
 Съ дислушь Сшуденшу шерцишь голова.

А мнѣ — и проч.

IV.

Топъ на каршинахъ малюешь собакъ ;
 Въ пѣхъ ошь гостей домъ шумишь, какъ кабакъ ;
 Сихъ беспокоишь невѣрный Гамуръ.
 Всякую голову мучишь свой дуръ.

А мнѣ — и проч.

V.

Топъ на прекрасной женился женъ ;
 Въ шѣхъ дома блещущъ внутрь такъ, какъ и внѣ;
 Тѣ шерстями на бенкетъ лепящъ ;
 Въ сихъ для госней чай и пунши кипятъ.
 А мнѣ — и проч.

VI.

Топъ иностранныхъ себѣ лошадей ,
 Сей купилъ драгоценныхъ парчей ;
 Въ шѣхъ милліоны ревушъ въ сундукахъ ;
 Въ шѣхъ горчатъ тысячи въ темныхъ углахъ.
 А мнѣ — и проч.

VII.

Попъ ко всеобщей до церкви найдешъ.
 Онъ и безъ церкви всеобщу найдешъ.
 Черный съ рогами бѣжитъ какъ мишель ,
 Пхнулъ его за запонъ въ бѣлу постель.
 А мнѣ — и проч.

VIII.

Топъ у въ перинѣ по уши пурнулъ ,
 Какъ послѣ маковки влившись заснулъ.
 Съ теплыхъ перинъ не вспадаетъ до повднн.
 У церкву пойдши ему — то есть брідня.
 А мнѣ — и проч.

IX.

Сива въ шого старика борода,
 Мокра бываетъ какъ чопъ всегда.
 Чопъ мнѣ не диво — въ бариль спремить,
 Развѣ жъ и онъ все надъ чопомъ лежишь,
 А мнѣ — и проч.

X.

Намъ судья дѣлаешъ истинный судъ,
 А въ его истинѣ лжи цѣлый пудъ.
 Онъ и на нищихъ раздалъ сто рублей,
 Чшо надралъ съ подданныхъ бѣдныхъ людей.
 А мнѣ — и проч.

XI.

Онъ какъ забрался на шу бѣдну честь,
 Черезъ свои поклоны, дары и лещъ,
 Удругъ издѣлался гордъ и спѣсивъ,
 Сильно, пріятельно сребролюбивъ.
 А мнѣ — и проч.

XII.

Честь, благородство за въпромъ лещишь;
 Трупъ же смердящій смерть въ яму тащишь;
 Все остаешся его при двору —
 Тѣло несущъ на Холодну Гору.
 А мнѣ — и проч.

XIII.

Каршники съ регошу кишки ирвущь ;
 Пѣвчи спѣваючи горло дерущь ;
 Шляхшичь за гоноръ и уха лишивсь,
 Швець съ копылами пьючи разгубивсь.
 А мнѣ — и проч.

XIV.

Ткачь кричишь горе, шеперь я пропавъ !
 Хпось мои цевки и берды покравъ.
 Плачущя горько наибольше съ пожаръ :
 Бондарь, кравецъ, маляръ, плошникъ и скляръ.
 А мнѣ — и проч.

XV.

Смерши спрашна замашная коса !
 Ты не щадишь ни чїи волоса.
 Ты не глядишь, де мужикъ, а де Царь !
 Все ѣси такъ, какъ весною пожаръ !
 А мнѣ — и проч.

XVI.

Топшь плюешь на ея оспрую спаль,
 У кого совѣсть, какъ чистый хрусталь !
 Охъ ! мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
 Мнѣ все одно только нейдешь съ ума,
 Какъ бы умерши мнѣ не безъ ума.

Сія Пѣсня вмѣстѣ съ другими (всѣхъ числомъ 27) составляетъ *Садъ Божественныхъ пѣсней старца Г. Сковороды*. Каждая изъ нихъ извлечена изъ особеннаго зерна, п. е. особеннаго текста св. Писанія. Всѣ онѣ заключающъ въ себѣ прекрасныя мысли, и если есть въ нихъ недоспашокъ, то конечно въ слогѣ и выраженіяхъ, слишкомъ рѣзкихъ и язвительныхъ. Но и въ семъ отношеніи, надобно брать во вниманіе время, когда жилъ и писалъ Сковорода, образъ воспитанія, какое получилъ онъ, понятіе того времени о изяществѣ слога и выраженій; наконецъ, что всего важнѣе, самый характеръ Сковороды; — и какъ не спросимъ ему того недоспапка, въ которомъ онъ не былъ воленъ! Сочиненіе сихъ пѣсень относится почти къ тому же самому времени, какъ и *Натальная дверь ко Христіанскому добродравію*. Тогда же, или не много позже, были сочинены имъ и Басни, игрушки воображенія, его недостойныя. Изложеніе оныхъ очень посредственно. Хорошія нравоученія встрѣчаются рѣдко.

Но за этими Пѣснями и Баснями послѣдовали пакія сочиненія, въ коихъ вполнѣ выказались и философія и дарованія Сковороды. Это были его разговоры, разсужденія, романическія сочиненія, каковы: *Лотова*

жена, Мугеники во имя Христа, Грѣшники; симфоніи, на пр.: *Исповѣдь и Покаяніе, Путь къ вѣчности, Мракъ міра, Свѣтъ міра* и пр., и множество другихъ. Не лѣзя оспавипь безъ вниманія и его писемъ, гдѣ и образъ мыслей его и спранныости характера видны лучше, нежели въ другихъ его сочиненіяхъ, хопи и онѣ написаны также пемно, также миспически, какъ и всѣ прочія сочиненія (*).

Послѣднее время жизни своей прожилъ Скворода въ деревнѣ у Помѣщика *К* — го. Небольшая *кѣмнатка*, обнами въ садъ, опдѣльная, уютная, была его послѣднимъ жилищемъ. Впрочемъ онъ бывалъ въ ней очень рѣдко: обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также спарикомъ, добрымъ, благочеспивымъ, или ходилъ по саду и по полямъ. Скворода до смерти не переспавалъ любить жизнь уеди-

---

(*) Здѣсь слѣдуютъ два письма Сквороды къ Священнику Бабаевского прихода Харьковскаго Уѣзда Іакову Правицкому. Но Издашель, по справной ореографіи, не нашель удобнымъ помѣспипшь здѣсь оныя. Должно замѣспипшь, что правописаніе или, правильѣе сказашь, *поставка литеръ въ письмѣ* у Сквороды опличалася шѣмъ ошъ приняшаго вообще правила, что онъ не упошребляль вовсе буквъ: ъ, ь; сокращалъ слова, поспавляя сверху шпшлы, словошпшлы и другія уменьшенныя буквы. *Изд.*

ненную и бродячую. — Вопль что рассказываюшь о его смерти.

Быль прекрасный лѣпный день. Къ Помѣщику собралось много сосѣдей погулять и повеселились; послушашъ Сквороду — было такъ же въ предмѣшь. Его всѣ любили слушають. За обѣдомъ Скворода былъ необыкновенно весель и разговорчивъ, даже шушилъ, рассказывалъ про свое бывое, про свои спранствія, испытанія. Изъ-за обѣда вспали, будучи всѣ обвсрожены его краснорѣчіемъ. Скворода скрылся. Онъ пошелъ въ садъ. Долго ходилъ онъ по излучистымъ пропинкамъ, рвалъ плоды и раздавалъ ихъ работавшимъ мальчигамъ. Такъ прошелъ день. Подъ вечеръ хозяинъ самъ пошелъ искасть Сквороду и нашель подъ развѣсистой липой. Солнце уже заходило; послѣдніе лучи его пробивались сквозь чащу лисневъ. Скворода съ заснупомъ въ рукѣ рылъ яму, узкую, длинную—могилу. — «Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты заняшь?» сказалъ хозяинъ, подошедши къ спарцу. — «Пора, другъ, кончить спранствіе,» отвѣчалъ Скворода: «и шакъ всѣ волосы слепѣли съ бѣдной головы опъ испязаній! Пора успокоиться.» — «И, братъ, пустое! Полно шакъ шушить! Пойдемъ.» — «Иду; но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя хранина....» —

И пошли въ домъ ; но Скворода не надолго въ немъ оспался. Онъ ушелъ въ свою *кѣмнатку* , перемѣнилъ бѣлье , умылся , помоллся Богу , и , подложивши подъ голову свипки своихъ сочиненій и сѣрую свипу , легъ , сложивши на кресль руки ! Долго его ждали къ ужину , — Скворода не явился. На другой день упромъ къ чаю по же , къ обѣду по же. Эшо изумило хозяина. Онъ рѣшился войши въ его комнапу , чшобъ разбудить ; но , Скворода лежалъ уже холодный , окостенѣлый....

Представляя сіи опривки на судъ вашъ и чипапелей Альманаха вашего , я долженъ извинипись въ незначительности оныхъ. Вы просили — я исполнилъ вашу просьбу какъ могъ. *Quid potui, feci.*

И. С. р. з. к.

Варваровка на Днѣпрѣ.

1833 , Февр. 11.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Эша спашья , находясь въ числѣ прочихъ въ портфель матеріаловъ для *Утренней Звѣзды* , была разсмотрѣна Г. О. К. Ему я одолженъ и за превосходныя примѣчанія , которыя нынѣ къ ней приложены. Хотя второе изъ сихъ примѣчаній , обличая меня въ ошибкѣ , могло послужить къ

поправленію текста; но, почипая поприще лише-
 рашурное чуждымъ мѣлочныхъ расчешовъ, будучи
 увѣренъ, что въ подобныхъ случаяхъ необходимо
 болѣе, нежели гдѣ — *sum cuique tribuere*, я почель
 за лучшее просто сознашья въ винѣ своей, — и,
 оставя замѣчаніе въ его собшвенномъ видѣ, огра-
 ничишья въ свидѣтельспвованіи моей досподол-
 жной благодарности замѣчашелю, почпившему
 спашью мою споль леспнымъ для меня вниманіемъ.

И. С. р. з. н.

Харькобѣ

21 Мая 1855.

ДВѢ КАРТИНЫ.

Les hommes n'ont qu'un penchant décidé, c'est leur intérêt; s'il est attaché à la vertu, ils sont vertueux sans effort; que l'objet change, le disciple de la vertu devient l'esclave du vice, sans avoir changé de caractère: c'est avec les mêmes couleurs, qu'on peint la beauté et les monstres.

Д И С Л О С.

I.

Безмолвно подходили къ первой, изображавшей Невинность въ образѣ Перси, и долго смотрѣли, и прилежно всматривались, — и все въ ней плѣняло всякаго, и воспоргъ и очарованіе были безмолвны.

Никто не умѣлъ, никто не могъ дать себѣ отчету въ величіи и красотѣ картины. Будто късь волшебника начерпала ее, будто волшебство разливала она вокругъ себя.

Творецъ ея споялъ поодаль, опершись плечемъ о мраморную колонну, наклонивши голову, — и никто не думалъ объ немъ,

никого не зналъ, никто не замѣчалъ его. Взоры Художника были мупны, неподвижны. Улыбка презрѣнія къ самому себѣ и любви возвышенной къ Художеству волновались на лицѣ его. Онъ дрожалъ, но вовсе не отъ болзни услышать невыгодный судъ о своемъ произведеніи. Нѣтъ! Зрители для него не существовали. Онъ не зналъ, не замѣчалъ ихъ, не думалъ объ нихъ. Онъ видѣлъ Невинность, — и съ него было слишкомъ довольно. —

Прошелъ часъ. Зрители оставались безмолвны, неподвижны, — и съ прежнимъ вниманіемъ, и съ прежнимъ благоговѣніемъ созерцали Невинность.

— Какъ долго! — воскликнулъ спарикъ, опходя отъ картины, и спросилъ одного изъ Художниковъ, участвовавшихъ въ выставкѣ: — Скажите, почему это? — Они побѣждены, опвѣчалъ Художникъ, — и между тѣмъ тайная мука желанія побѣдить снѣдается ихъ. Едва ли имъ удастся. Впрочемъ — это-то и бѣда для Художника. Не удастся и ему. —

II.

Наконецъ объявили, что вынесена другая картина. Ударъ для всей толпы. Всѣ бросились опроремешью къ новому предмету созерцанія.

Картина изображала Гордоспъ въ образѣ Александра Македонскаго.

Прошла четверть часа, менѣе четверти часа. Шопопъ и восклицанія, похвалы и награды Художнику опозвались оповсюду. Начались шорги; начались споры. Всякій хотѣлъ оставишь картину за собою, и никто не уступалъ. Живописецъ въ воспоргѣ бѣгаешъ, суешипся, кланяешся, мѣняешся привѣпспвіями. Радоспью блиспаешъ лице его; радоспью — бѣешся сердце. Онъ — въ воспоргѣ, а картина?

На нее уже никто не обращаешъ вниманія. Ее уже осмопрѣли, оцѣнили. Доспоинство ея взвѣсили. —

— Какъ скоро! — воскликнулъ шопъ же самый спарикъ, подхоя къ оставленной картинѣ. — Скажите: почему? — спросилъ онъ шого же Художника.

И вопъ что Художникъ опвѣчалъ ему:

— Люди любяшь людей, а не ангеловъ. Люди любяшь недоспапки съ добродѣпелями,

а не добродѣтели безъ недоспапковъ. Я пвердилъ это другу своему, Симеону, написавшему Невинность, но онъ не понималъ меня, и, что всего страннѣе, не пойметъ красоты звона червонцевъ въ укладиспомъ карманѣ своего соперника.

Кто не угадаетъ конца? —

Творецъ Невинности оспался при своей Невинности.

Творецъ Гордости перессорилъ за свою Гордость всю знать между собою, и за свою же Гордость и опъ нея же получилъ 500 червонцевъ.

С.

БРЕДИТЪ.

The song comes, with its music, to melt and please the soul. It is like soft mist, that rising from a lake, pours on the silent vale; the green flowers are filled, with dew, but the sun returns in his strength, and the mist is gone.

O S S I A N.

Рѣдко вошелъ я въ обширный залъ. Тысячи лампъ, сонни людей поразили меня: однѣ своимъ блескомъ, другіе своимъ убранствомъ и гордостію. И все такъ смрадно, такъ не спройно. — Хаосъ.

Наконецъ — прислушиваюсь.... До меня долетѣли звуки божественнаго Гайдена. Кло-по игралъ его адажію и напѣвалъ подъ эпу неземную гармонію звуковъ величественныя спрофы Оды: *Богѣ. Торжествъ Поэзіи!*

Въ моемъ воображеніи неволью представилась картина сотворенія Мира, и какъ ужасно было броженіе Хаоса, и какъ величественно Духъ Божій пронесся сквозь мракъ

онаго , и какъ могущественно въ благомъ полепѣ своемъ разсѣваль , разлагаль, усприваль вѣчно волновавшійся дополь Хаосъ міра , и какъ міръ становился гармоніей....

Но божественная пѣснь не пронула хладнокровныхъ. Душа ихъ давно преобразилась въ камень , — и никакой булапъ не въ сошюяніи вырубипъ изъ него ни малѣйшей искры сочувствія. Душа ихъ — камень и камень далеко отброшенный отъ своего русла , камень безжизненный ! Поняпіе о блаженствѣ жизни для нихъ упрачено.

Одни кричали , махая благовонными плапками : « божественно ! божественно ! » Но это были ледные звуки , а не безсмертные слова ! Драгоценныя благовонія , копорыя разсѣвали они по воздуху , были для нихъ дороже музыки. Можно было сказать , что слова ихъ къ нимъ относились.

— « Дарованіе неподражаемое ! Успѣхи невѣроятныя ! » — восклицали другіе. Они удивлялись тому , что юная дѣвица такъ скоро выучилась со всей ловкостью выдѣлывать прудные пассажи , и не могли замѣшпшь , какъ человекъ могъ изобресть , распредѣлпшь и слпшь въ одно величественное цѣлое такіе звуки , такіе мысли , — не могли или не хотѣли понять этихъ звуковъ , этихъ мыслей.

Я продрался сквозь толпу и увидѣлъ предметъ общаго разговора и удивленія — Пѣвицу. Довольно! Земной человекъ торжествуетъ!

Но сердце мое забилося. Не подумайте, друзья, о чемъ либо чувственномъ, каково бы оно ни было. Чувство не могло такъ сильно меня пронуть, такъ быстро наполнить собою мое сердце. Я жалѣю....

За чѣмъ человекъ въ существѣ своемъ имѣетъ такъ много плѣснаго, такъ плѣсно думаетъ, такъ плѣсно восхищается высокимъ, прекраснымъ! Для чего бы не имѣлъ ему понятія о невинности, любви, поэзіи, болѣе духовнаго, болѣе божественнаго! Уже ли подобныя понятія не могли бы проявляться не споль чувственно!

Правда. Глаза дѣвицы — лазурь небесная. Блескъ ихъ — блескъ солнца полуденнаго. Румянецъ горитъ невинностію зари упренней. Улыбка ея очаровательна, какъ разсвѣтъ свѣтлозарной весны. Но взгляните на нее еще разъ, — и вы увидите, что она не болѣе, какъ темное, нескладное, безжизненное преданіе....

И ее слушаютъ не болѣе, какъ преданіе; слушаютъ только для того, чтобы не слы-

шасть : преданіе слишкомъ незанимательно ; слушающъ — изъ снисхожденій.

Я помню , и не могу забыть слова одного изъ наперсниковъ Духа Вселенной (Плапо-на) : музыка — даръ Божій , но не для того только ниспосланъ онъ къ людямъ , чпобъ изнѣживасть безмысленныя чувства ихъ. Часто душа борется сама съ собою , и смутныя свирѣпсвующъ въ оной , и чувственность овладѣваетъ ею. Обезсилить чувства , возстановить власть души надъ самимъ собой и надъ чувствами — вопъ высшее предопредѣленіе Музыки.»

Такъ думалъ онъ ; такъ думали , можетъ быть , и давно , и не такъ давно , и даже теперь ; но какъ не много такихъ , кои захотѣли бы такъ думать ! Другое время , другія нравы , другія понятія.

Помните ли что писалъ одинъ Художникъ къ опцу своему ?

«Какими райскими часами наслаждался я , еще бывши юношей , въ большой залѣ концерта ! Когда тихо и незамѣнно сидѣлъ я въ углу , очарованный великолѣпіемъ и торжественномъ собранія , какъ пламенно желало сердце мое , чпобы нѣ же самые слушатели собрались нѣкогда вниманъ моимъ пвореніемъ и

мнѣ довѣрили мои чувства! И нынѣ часпо сижу и въ той же залѣ и свои уже произведенія разыгрываю; но на сердце у меня не то, что было прежде. Удивляюсь, какъ могъ я воображать, чтобъ это сборище, гордящееся своимъ златомъ и богатствомъ одежды, сѣзжалось для того, чтобъ наслаждаться искусствомъ, воспалять свое сердце и всѣми чувствами жертвовать Художнику? — Если сіи же самыя души, подъ сводами величественнаго храма, на священныхъ празднествахъ, въ то время, когда все высокое въ Религіи и прекрасное въ Искусствѣ согласною силою на нихъ дѣйствуетъ, если и тогда онѣ холодны какъ ледъ, то имъ ли воспаляться въ залѣ концерта? — Нынѣ, прошла пора искусства и вкусъ къ изящному вышелъ изъ моды, онѣ не приличенъ обыкновеніемъ свѣтскимъ: наслаждаться произведеніемъ художественнымъ было бы такъ же смѣшно и странно, какъ спихами говорить въ томъ обществѣ, гдѣ для всѣхъ необходимостей жизни доспаично одной расчепливой и для всѣхъ понятной прозы....»

А почему? — Художество переспало бытъ художествомъ, — и спало на равнѣ съ ремесломъ. Въ настоящее просвѣщенное время не мудрено опыскаръ геніевъ и между сполырами, и между поршными, какъ находятъ

между архипекпорами, и п. п. Механизмъ художества понялъ, разложенъ; искусство стало наукой; воображеніе смѣнилось соображеніемъ; идеи подчинились приличію, модѣ; геніальность изсохла въ оригинальность; умъ довѣрилъ глазамъ и слуху; израненное сердце бьется будто по нуждѣ, его повѣряютъ малпшикомъ. Не мудрено, что число геніевъ увеличилось. Поэтовъ, Живописцевъ, Музыкантовъ безъ дарованій шеперь гораздо меньше, нежели Поэтовъ, Живописцевъ, Музыкантовъ съ дарованіями.

Кто скажетъ, чтобы Россини былъ не геній? Гдѣ его не хвалятъ? Его не лзя не хвалятъ, чтобы не показатъ ничтожества своихъ познаній; а кто захочетъ этимъ похвалиться? Глупъ, кто не находитъ великаго генія въ Россини, Валсеръ - Скопфъ, Бальзакъ, даже Юліѣ Жаненъ, — и, если хошше, въ книгопродавцѣ Ладвока, издатель Книги спо одного.....

Кто не желаетъ, кто не имѣетъ нынѣ надежды не только прослыть, но даже и быть геніемъ?...

Гдѣ всего чаще швердятъ о богачествѣ? въ хижинѣ бѣдняковъ. — Такъ и съ геніями. —

Алмазъ полируютъ алмазною же пылью. — Алмазъ и пѣсухъ; — пѣсухъ и пшено; —

пшено и поденщикъ; — поденщикъ и гений; — гений и алмазь. . . . Къ чему распро-
спраняться? —

Далье и далье, — и я замечался. Звуки подкрѣпляли мечпы мои.

Наконецъ они спихли. Мечпы мои прерва-
лись. Я подошелъ къ Пѣвицѣ, поблагодарилъ
ее за ея же собсшвенное искусство, переска-
залъ ей свои мечпы, можешъ бышь, и не-
складно, по крайней мѣрѣ, съ жаромъ. Она
меня спокойно выслушала, опшвѣчала мнѣ
одними ходячими привѣшпвіями. Наконецъ
вспала. Мы распались. Она подошла къ бра-
шу своему, — и я услышалъ на ухо ему ска-
занное слово: *Бредитѣ!* — Правда! По край-
ней мѣрѣ, я желалъ бы, чшобъ это было
правда.

С.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Д В Ъ   Г Л А В Ы

изъ Восточной Пובѣсти

З А Л Ь М А Р А .

ПОСВЯЩЕНО

А. В. СТРЕМОУХОВУ.

Г Л А В А   П Е Р В А Я .

Подъ небомъ Азіи прекрасной,
Въ поляхъ, взмелѣянныхъ весной,
Гдѣ воздухъ полонъ нѣги спраспной
И миршъ, пипомецъ полевой,
Цвѣшешъ игривой красой,
А на скаль съдой и дикой,
Обвишый гордой навилкой,
Печально дремлешъ кипарисъ ;

Въ спранѣ, гдѣ бурно пронеслись
 Опустошительныя брами ;
 Тамъ, гдѣ Конрадъ и Лузиньянъ,
 Съ мечемъ креспы пріемля въ длани,
 За гробъ Христа, за Христіанъ,
 Сражали сонмы Музульманъ —
 На высотахъ Пполомаиды,
 Гдѣ съ величавымъ моремъ слишь
 Вѣками созданный гранитъ,
 Какъ древній, пышный храмъ Киприды,
 На двухъ оплогиспыхъ холмахъ,
 Спяль дворець Али-Махмеша.
 Туда, прославленный въ бояхъ
 И упомянутый шумомъ свѣта,
 Богачій Ага, въ сумракъ дней,
 Пріѣхаль съ дочерью своей.

Спрямясь къ забавамъ сладостраспья,
 Съдой Махмешъ въ дворець своемъ
 Разсыпаль всѣ приманки счастья.
 Паросскій мраморъ съ серебромъ,
 Въ сполбахъ высокихъ рассыпаясь,
 Другъ съ другомъ спорящъ въ бѣлизнѣ ;
 Тамъ по узорчатой спѣнѣ
 Разнообразно оппѣняясь,

Висятъ завѣшныя ковры —
 Тейрана пышные дары.
 Изъ злапа Мексики липые,
 Близъ шабурешовъ, на коврахъ
 Стоятъ сосуды дорогіе,
 Небрежно скрышыя въ цвѣсахъ.
 А подлѣ спѣнъ, какъ испуканы,
 Бѣля, плюнутся диваны ;
 Бухарской шканію покрышь,
 На нихъ лебѣжій пухъ лежишь.
 Вдали, подѣ сводами нѣмыми,
 Взоръ понешъ въ длинномъ рядѣ залъ,
 Гдѣ, между дулами спальными,
 Мелькають шашка и книжалъ.
 Рѣзьбой украшенныя спальни,
 Гарема темный переходъ
 И въ шумѣ аромапныхъ водъ
 Востока дивныя купальни.
 Бассейновъ свѣтлая рѣка,
 Согласный бѣгъ свой совершая,
 Опъ арабесковъ пошолка
 Душистой влагой низпадал,
 Гремилъ и плещетъ здѣсь и шамъ,
 Скользя по мраморнымъ угламъ.
 Вокругъ чершоговъ извивались
 Великолѣнные сады —

Аллей угрюмые ряды
 До скаша моря проспирались.
 Переплеясь, по споронамъ,
 Вели пропинки къ цвѣпникамъ.
 По роцамъ царшвуешъ молчанье,
 Лишь иногда, въ вечерній часъ,
 Тревожитъ въ нихъ очарованье
 Залетной ппички спройный гласъ.

На шуманномъ сводѣ неба
 Упро Майское вспаешъ,
 Тихо, медленно лучъ Феба
 Изъ-за тучъ сiянье льешъ.
 Плещущъ волны голубыя
 Въ неприступныхъ берегахъ
 И коспры спорожевые
 Погасающъ на холмахъ.
 Челны по морю несущся,
 Смѣль и радостень пловецъ,
 Въ высотъ касашки вьюшся,
 Просыпаешся дворецъ.
 Вошь смѣнились часовые,
 Чу! . . . раздался въ башнѣ звонъ . . . .
 Бродящъ евнухи нѣмые
 И Гаремъ ужъ пробужденъ.

Халапъ набросивъ разноцвѣтной,
 Сидишь власнищельный Махметъ,
 И передъ нимъ спруей привѣстной
 Книжишь и гнишишь шербецъ.
 Задумчивъ Ага — съ непергънъемъ
 Въ Гаремъ не посѣщаешь онъ;
 Любимый Евнухъ съ униженьемъ
 Напрасно хвалишь прелестъ женъ —
 Въ душѣ Махмета вспрепенулись
 Мечты давно забытыхъ дней.
 Онъ снова въ памяти своей
 Зришь время то, когда полпились
 Предъ нимъ всѣ призраки чешей.
 Давноль, внимая клику славы,
 Такъ радостно на бой кровавой
 Онъ мчался съ тучей Янычаръ?
 Бывало онъ, нѣмой и спраспной,
 На грудь наложницы прекрасной
 Унавъ, воспоргамъ нѣги въ даръ
 Гошовъ принесть безъ сожалѣнья
 Весь чадъ земнаго прославленья;
 А нынѣ . . . . Гдѣ жъ слѣды шѣхъ лѣтъ?
 Исчезли! Онъ и дряхль и сѣдъ.
 Часы бѣгутъ — одѣлся Ага;
 На кушакъ его висяшь
 Два испомета и булашь.

Но вошь зажглась въ глазахъ отвага,
 Спѣшишь въ лѣса на справлю онъ,
 Лешунъ Арабскій подведенъ.
 Вдругъ у ворошь раздался попошь,
 Заржали кони у дворца,
 Въ шолпѣ рабовъ поднялся шопошь,
 И вдоль чугуниаго крыльца,
 Сливаясь съ мѣрными шагами,
 Цѣпей тяжелыхъ слышенъ громъ. . . .
 Вошь ближе, ближе — и попомъ
 Остановились за дверями.
 Рука пришельца знакъ дала,
 Невольникъ двери отворяешъ,
 Въ черпогъ съ поклонами всшупаешъ
 Начальникъ спражи Абдула.

А Б Д У Л А.

Я встрѣшилъ нынче караванъ,
 Вели невѣрныхъ. Межъ шолпою
 Меня одинъ изъ Хрисціанъ
 Пленилъ чудесной красою.
 Онъ купленъ мшой — ты для него
 Назначъ удѣлъ.

М А Х М Е Т Ъ.

Введи его!

Пропажно цѣпи зазвучали . . . .

На грудь поникнувъ головой,
 Какъ жертва рока и печали,
 Предсталъ невольникъ молодой.
 Махметъ безмолвенъ; изумленный,
 Онъ на невольника глядишь,
 Несчастный юноша стоишь
 Предъ нимъ какъ Ангелъ воплощенный.
 Представыше послѣ грозныхъ съчь,
 Склоненнаго на острый мечъ,
 Въ раздумьи кропкомъ бога брани,
 Когда, спирая кровь со длани,
 Тревогой бранной упомлѣнь,
 На лаврахъ опдыхаетъ онъ :
 Таковъ невольникъ черноокой ;
 Но на младомъ его челѣ,
 Какъ слѣдъ шумана на стеклѣ,
 Лежишь спраданыя слѣдъ глубокой.

М А Х М Е Т Ъ.

Невѣрный ! изъ какой спраны
 Ты приведенъ въ мои владѣнья ?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Удары рока всемъ равны —
 Моя судьба урокъ смиренья.
 Въ Германіи сестру и мать
 Покинулъ я. Пріюти шуманный!
 Тебя мнѣ больше не видашь;
 Не мнѣ свиданья часъ желанный.
 Три года пропекли съ тѣхъ поръ,
 Какъ я, пришедши въ ваши сшени,
 Нашелъ спраданія, позоръ,
 И нищету, и эти цѣпи.

МАХМЕТЪ.

Глуръ!... Ты гордъ — за эту рѣчь
 Слешитъ глава съ надменныхъ плечъ....
 Кто ты?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Твой рабъ. Чего же боль?
 Увы, въ поспыдной этой долѣ
 Твой гнѣвъ меня не устрашишь;
 Мнѣ жизнь поспыла. Если плаха
 Моей главѣ шеперь грозишь, —
 Иду на смерть, иду безъ страха.

Махметъ молчишь. Суровый взоръ
 Изобразилъ спрасней раздоръ ;
 И въ душу деспота впервые
 Проникла жалость ; шакъ порой
 Лучи денницы золотые
 Проходяшь въ бездну подъ скалой.
 Онъ цѣпи сняшь повелѣваешь,
 Пила принесена рабомъ,
 Жельзо стали усшунаешь
 И съ громомъ падаешь къ ногамъ.

Томится плѣнникъ. Дни молодые
 Убиты хладною шоской :
 Все манишь юношу мечшой
 На берега его родные.
 Когда денница въ облакахъ
 Вспорхнешь, беспечная какъ младость,
 И на лазурныхъ висопахъ
 Прольешь спокойствіе и радость :
 Тогда и въ воздухъ самомъ
 Спрадальцу чудишься родное,
 И что-шо грустное, святое
 Напоминаешь о быломъ.
 Ручья-ль услышишь дальній шопощъ, —
 Идешь, задумавшись, къ нему :

Свободной Эльбы стройный рокоть
 Внезапно слышился ему,
 Промчился-ль, вихремъ уносимый,
 Надъ нимъ плѣнительный напѣвъ
 Гарема недослупныхъ дѣвъ :
 Воспоминаніемъ помимый,
 Къ спѣнамъ Гарема онъ спѣшишь ;
 Напѣвъ замолкъ, а онъ спойшь :
При звукахъ рога и свирѣли
Въ его отчизнѣ такъ же пѣли.
 И долго шуть онъ слезы льешь ;
 Но слезъ горячихъ не сопрешь
 Рука заботливаго друга.
 Ахъ ! кто въ тяжелый часъ недуга,
 Къ нему съ учаспьемъ подойдетъ ?
 Здѣсь люди чужды состраданья . . . .
 Поймутъ ли здѣсь его спраданья ?
 Нѣтъ, холодна въ ширанахъ сихъ,
 Душа какъ спала княжаловъ ихъ.

Природа спитъ въ шуманахъ ночи,
 Въ палатахъ Аги тишина ;
 Лишь плѣнника печальны очи
 Не знаютъ наслажденій сна.

Спрадалецъ ложе покидаешъ,
Чертогъ, площадку пробѣгаешъ,
Миуешъ спражи спящій рядъ,
И входишь въ опдаленный садъ.
Изъ облакъ медленно всплывая,
Глядишь луна въ кристаллы водъ,
Запахъ аллея душистый сводъ,
На немъ горитъ роса ночная.
Идешъ невольникъ — вдругъ предъ нимъ
Послышались опзывы пѣнья . . . .
Онъ поднялъ взоръ и недвижимъ
Осполбенѣлъ отъ удивленья.
Предъ нимъ склоняся на дернъ цѣшовъ,
Какъ мимолетная опрада,
Какъ свѣшная мечта боговъ,
Въ красъ небрежнаго наряда
Турчанка юная сидишь.
Смущенный юноша глядишь,
Не сводишь взора съ дѣвы милой,
И въ первый разъ чудесной силой
Забилось сердце у него.
Явленья страннаго сего
Никакъ постигнуть не умѣя,
Изумлена, поражена,
То негодуя, то робѣя,
Вспашешъ спремительно она.

ТУРЧАКА.

Скажи, невольникъ дерзновенный,
 Какую гибельной спезей
 Ты въ эшопъ садъ уединенный
 Былъ заведенъ во пѣмъ ночной?
 За чѣмъ ты здѣсь? Какія чары
 Предъ зоркой спражей ты разлилъ?
 Невѣрный! развѣ ты забылъ,
 Что нарушашъ покой Зальмары
 Есть преступленіе?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Умѣрь,
 Смягчи порывы гнѣвной рѣчи!
 Я невиновенъ . . . . О, повѣрь,
 Непоспѣжимой этой встрѣчи
 Я и не ждалъ и не искалъ.
 Увы, безъ думъ, безъ всякой цѣли,
 Какъ осужденный я блуждалъ :
 Воспоминанья пламенѣли
 Въ моей измученной груди.
 Я шелъ — опрадно впереди
 Шеншали темныя аллеи ;
 Луна и звѣзды, и ручей,
 И эти снѣжія аллеи :

Все ночи родины моей
Напоминало мнѣ собою.

Т У Р Ч А Н К А.

Бѣги! Законъ Гарема спрогь!
Спѣши! спѣши скорѣй въ черпогь,
Не по проспишься съ головою.

Н Е В О Л Ъ Н И К Ъ.

Но кшо ты? Дивная краса!...
Скажи, волшебница младая,
За чѣмъ, покинувъ небеса
И изумрудный шеремъ рая,
Пришла ты въ мракъ земныхъ садовъ
Лелѣяшь мягкій пухъ цвѣшовъ?

Т У Р Ч А Н К А.

Я дочь Махмета — я Зальмара.
Неумолимъ родителъ мой!
Спрашись, его ужасна кара!
Бѣги! —

Излучистой шропой
Поспѣшно дѣва убѣгаетъ,

Скользишь по радужнымъ цвѣтамъ,
Подходишь быспро къ ворошамъ,
И рѣзвой пѣнью исчезаетъ.
Но, очарованъ, восхищенъ,
Нарушивъ сердца мирный сонъ,
Споишь невольникъ : въ немъ впервые
Бушуютъ спраспи молодья . . . .
Что видѣлъ онъ ? чему внималъ ?
Иль это слѣдъ его мечтаній ?
Иль въ забыши своемъ лепалъ
Онъ въ дальній край очарованій ?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Обычно день идетъ за днемъ,
Уже погасъ свѣпильникъ лѣша,
Обильнымъ осени ковромъ
Природа пышная одѣша. —
Зальмара часпо по садамъ
Одна, задумчивая, бродишь ;
И часпо, часпо что-то шамъ
Печаль на сердце ей наводишь.
Очемъ же грусть ? Какой бѣдой
Вспревоженъ духъ, Зальмара, пвой ?
Иль солнце знойными лучами
Сожгло любимый пвой цвѣшокъ ?
Бышь можешь, брошенъ онъ въ пошокъ,
Чужими сорванный руками ?
Смотри, цвѣшокъ пвой невредимъ,
Онъ рдѣешь прежней красою ;
За чѣмъ же, стоя передъ нимъ,
Ты зарумянилась слезою ?
Межъ померанцовыхъ аллей
Порхаешь поздній соловей ;

Тебя онъ къ нѣгѣ призываетъ ;
 Его опривисшая прель
 Звучитъ какъ дальная свирѣль,
 И въ зыбкомъ эхѣ умираетъ.
 Но соловей тебѣ не миль,
 Его ты слышишь безъ вниманья ;
 Зальмара, кто же возмутилъ
 Твои бывалыя мечтанья ?
 За чѣмъ, за чѣмъ уходишь ты
 Въ тѣ опдаленные кусты,
 Гдѣ при лучахъ луны высокой
 Твоими испуганнымъ очамъ
 Предсталъ невольникъ черноокой —
 Ужель цѣпы душистѣй шамъ ?

Но чтожь невольникъ ? — Новыхъ думъ
 Товарищъ вѣрный, неразлучный,
 Спрашивая порабощая умъ,
 Онъ измѣнялся злополучный.
 Съ его неопытныхъ очей
 Упали шускые покровы,
 И передъ нимъ въ красѣ своей
 Явился мiръ какой-то новый.
 Свершились цѣли бышiя !
 Онъ все понялъ одной мечтою

Опчизна, мать, сестра, друзья —
 Забыто все! — Съ его душою
 Теперь спознался новый другъ ;
 Ему и дневный свой досугъ,
 И ночь спрададецъ посвящаетъ ;
 Ему съ воспоргомъ онъ ввѣряетъ
 Надежды сердца, сладкій сонъ
 И пробужденья тяжкій спонъ.
 Съ какихъ же выпренихъ селеній
 Слепѣль нежданный эпомъ геній ?
 — То знаютъ небо, садъ и ночь,
 И гордая Махмеша дочь.

Съ утра покинувши черпоги,
 Махмешъ гуляетъ по лѣсамъ ;
 Олень въшвиспый, быспроногій
 Ему забавой служить шамъ.
 Давно на башняхъ мѣрнымъ боемъ
 Пора полудня пронеслась ;
 Лениво спража разбрелась,
 Томима солнца сильнымъ зноемъ.
 Нашъ Европеецъ молодой
 Благословляя мигъ свободы,
 Гарема каменные своды
 Следилъ любимую мечпой.

Тамъ, за гранишною спѣною,
 Зальмара, какъ царица розъ,
 Цвѣшеть безпечной красою,
 Не зная бѣдъ, не зная слезъ.
 Вся жизнь для ней одна забава,
 Въ алмазы рядишся она,
 Ея опца вѣнчаешъ слава,
 Она породю Княжна.
 А онъ . . . . богатый лишь цѣпями,
 Рабъ, позабытый межъ рабами,
 Влача судьбы своей позоръ,
 Онъ къ ней спремись дерзаетъ взоръ !
 Чпо за любовь онъ ей предложитъ !
 Ахъ, кромъ сердца ничего ;
 Любовь безумная его
 Лишь спыдъ нанести Зальмаръ можетъ.
 Опвѣй же милья черпы,
 Сокройся, призракъ - обольстителъ ;
 Ты не оправднй упѣшителъ,
 Лукавый врагъ спрадальцу ты. —

Такъ сердце юноши пѣснили
 Волненья безоградныхъ думъ ;
 Онъ и сердце въ немъ и умъ
 Смертельнымъ ядомъ оправдили.

За тѣмъ ищи ? чего бѣжашь ?
 Надежды, счастья гдѣ искашь ?
 За нимъ, предъ нимъ однѣ мученья —
 Гдѣ жъ свѣшлый міръ успокоенья ?
 Успавъ земли печаль и кровь,
 Здѣсь золопо въ союзѣ съ силой ;
 Но гдѣ же радость, гдѣ любовь ?
 Найдешь ли ихъ хоть за могилой ?
 Печальный юноша глядишь . . . .
 Какъ вдохновенье молодое,
 Какъ Херувима крошкѣй видъ,
 Сілетъ небо голубое.

Творецъ ! Твой міръ . . . . прекрасенъ онъ ! . . .

Вдругъ легкій шорохъ за стѣнами,
 Вошь шихо брякнули ключами,
 Дверь потаенная скрипишь,
 Невольникъ сморщитъ боязливо . . . .
 Его къ Гарему шоропливо
 Рабыня черная манишь.

Р А Б Ы Н Я.

Сего дня, въ полночь — какъ проглянешь
 Надъ моремъ блѣдная луна —

Когда дробиться перестанешь,
 Заснешь игривая волна :
 Сюда, прокравшись осторожно,
 Пройди въ сады чрезъ эту дверь,
 И подожди въ кустахъ. Теперь
 Возми, вопль ключъ. Мнѣ не возможно
 Здѣсь долго мѣшкашь.

Н Е В О Л Ь Н И К Ъ.

Я? — За чѣмъ

Туда приду я?

Р А Б Ы Н Я.

Ты пикѣмъ

Не будешь узнашь . . . . Въ часъ свиданья

Узнаешь все. —

Рабыни нѣшь,

И гуль шаговъ — какъ давнихъ лѣшь

Однообразныя преданья,

Едва хранимыя молвой —

Смѣнялся мерпвой пищиной.

Темнѣешь. — Вечерь. — За спадами
 Съ космашымъ псомъ идешь паспухъ,
 Лучь солища вспыхнулъ надъ холмами,
 И яркимъ заревомъ попухъ.
 Волнистый паръ клубился въ полѣ,
 Зажженъ маякъ по берегамъ.
 Махнешь, пуспивъ коня по волю,
 Спѣшишь къ дворцовымъ ворошамъ.
 За нимъ, дорогой пыль взвѣвая,
 Ловцовъ дружина удалая,
 Привспавъ опважно въ спременахъ,
 Летишь на борзыхъ скакунахъ.
 Везушь ловишвы плодъ кровавый,
 Сзывая псовъ, рога шрубляшь ;
 Ловцы о прудностяхъ забавы,
 О хипромъ звѣрь говоряшь.
 Къ спѣнамъ зубчатымъ подъѣзжаютъ,
 Мосты подъемные спускають,
 Огни мелькнули на крыльцѣ,
 Успалый Ага во дворецъ, —
 Рабы коня его уводяшь.
 Добыча сложена въ шашеръ,
 Смѣняясь, воины разводяшь
 У спѣнъ дымящійся костеръ.

Передъ палашами Махмета
 Еще дробятся голоса.
 Широкой шашки полоса,
 Встрѣчаясь съ дуломъ пистолета,
 Гремншь, и искрой золошой
 Скользишь по сѣрой мостовой.
 Ловцы, сдвигаясь шѣснымъ кругомъ,
 Сидяшь, бесѣдуя другъ съ другомъ.
 Досугъ вечерній короляшь
 Саади дивныя преданья ;
 Предметомъ общаго вниманья :
 Любовь, измѣна и булашь.
 Но вопшь молитвы часъ обычный
 Зовешъ къ покою Мусульманъ,
 Ихъ ожидаешь долгъ привычный,
 Ихъ призываетъ Аль - Коранъ.
 Вспаюшь, расходяшся. Пустѣешь,
 Безмолвствуешь широкій дворъ ;
 На немъ, подъ кучей пепла, плѣешь
 Янтарнымъ пламенемъ костеръ.

Съдая шѣнь спорхнула съ мѣста,
 Кругомъ и сонъ и пишина ;
 Какъ пробужденная невѣста,
 Нѣжна двурога луна.

Бьешь полночь . . . . Сонь одолѣвая,
 Передь крыльцемъ невольникъ ждешь ;
 »Пора ! пора !« и, чуть спуная,
 Къ спѣнамъ Гарема онъ идетъ.
 Онъ щель двери похаенной . . . .
 За колонадой опдаленной,
 Уединенна и мрачна,
 Глазамъ являешся она.
 Идешь къ ней, слушаешъ . . . . молчанье !
 Сжимаю ключь, его рука
 Предь узкой скважиной замка
 Вдругъ ощутила содраганее . . . .
 Дверь отворилась — бѣглый взглядъ
 Встрѣчаешъ усыпленный садъ.
 Невольникъ быспро отступаешъ,
 По членамъ холодъ пробѣгаешъ,
 И, будто смертью пораженъ,
 Испи впередъ не смѣешъ онъ :
 Его помилъ недоумѣнье,
 Какъ пуча въ сердце у него
 Ложился черное сомнѣнье.
 За чѣмъ испи ! Кто ждешъ его ?
 Чьи шамъ забопливья очи
 Увидишъ онъ во мракѣ ночи ?
 Рабыня . . . . чья ? Свиданье . . . . съ кѣмъ ?
 И кто жемаешъ эшой встрѣчи,

И для чего? — Призывной рѣчи
 Онъ не забылъ; но кто Гаремъ
 Въ подобный часъ покинуть можешь?
 Кто бдѣнье спражи превозможешь?
 Кто, кто таинственный пошъ другъ?
 Быть можешь, онъ гонимъ судьбою,
 И хочешь сердца злой недугъ
 Смягчишь участія слезою —
 Быть можешь, ждешь его любовь....
 Но чья она?... Уже ли.... Вновь
 Къ дверямъ какъ вихрь онъ подбѣгаетъ —
Его Зальмара призываетъ! —
 Исчезло все — сомнѣнье, страхъ;
 Идешь, идешь.... попомъ въ кустахъ,
 Съ разувѣреніемъ сражаясь,
 Остановился, озираясь.
 Глядишь — знакомые кусты:
 Къ нимъ садъ Махмета примыкался;
 Аллея таже.... шѣжь цвѣшны
 И таже пропщка — здѣсь плѣнился
 Онъ красотою царицы — дѣвъ,
 А шамъ, мелькая межъ деревъ,
 Она, какъ серна, убѣгала;
 Туть съ очарованной душой,
 За ней спремился онъ мечпой;
 Тамъ, близъ ворошъ, она пропала.

Глядишь — все въ сумракѣ ночномъ ;
 И будто въ нѣдрѣ гробовомъ
 Опочиваешь пвердь земная.
 Лишь, выходя съ морскаго дна,
 Грохочешъ зыбкая волна,
 О берегъ пѣной ударяя:
 Лишь, сбросивъ съ дерева листокъ,
 Въ курпинахъ шепчешъ въперокъ.
 Очнулся юноша ; волненій
 Смиришь не можешъ онъ ; оныаь
 Тоски мершвящая печать
 Кладешъ въ душъ бразды мученій.
 Безумецъ ! какъ, онъ думашъ могъ,
 Чшо недоступная Зальмара
 Оставишь пышный свой черпогъ,
 И, дѣпскихъ чувствъ живаго дара
 Еще не ввѣря никому,
 Придешь къ невольнику . . . . къ нему ?
 Придешь за тѣмъ, чшобъ взоромъ яснымъ
 И голосомъ спыдливо - страпшимъ
 Сказать, воспорговъ не пая :
 — Люби меня ! . . на вѣкѣ твоя ! —
 Но если жъ ? . . . Нѣшь, она не знаетъ . . . .
 Его любовь, его тоска
 Надмѣнной дѣвы далека ;
 Она о немъ не помышляешъ . . .

Онъ убѣжишь ; бышь можешь, шущъ
 Его одиѣ измѣны ждущъ.
 Такъ иногда, въ часъ непогоды,
 Спруиспыхъ молній блѣднѣй лучъ,
 Скользнувъ по скапу снѣжныхъ пучъ,
 Развеселишь чело природы ;
 Вдругъ перекашнѣй грянешъ громъ, —
 И снова мракъ и смерть кругомъ.

Уже невольникъ удаллся ;
 Но, выходя изъ-за кустовъ,
 Онъ слышитъ дальнѣй гулъ шаговъ :
 Поспѣшно кто-то приближался.
 Мелькнулъ клубящѣйся покровъ . . . .
 Опять . . . . исчезъ . . . . бѣлѣшь снова ;
 Шаги слышитѣ — шелестъ ихъ
 Вблизи кустарника гуснаго
 Остановился и зашихъ.
 Едва дышашъ невольникъ смѣешъ,
 Опять сомнѣнѣе пламенѣешъ
 Въ умѣ испуганномъ его. —
 Въ курпнахъ шорохъ повторился,
 Ясминный кустъ зашевелился ;
 Раздвинувъ вѣтви, изъ него,
 Спройна, какъ пальма садовая,

Выходишь робкая краса ;
 На ней одежда дорогая
 Свѣшла, какъ Майская роса.
 Съ чела откинувъ покрывало,
 И молчалива и помна,
 Подходишь медленно она.
 Кого же сердце въ ней узнало ?
 Не вѣришь юноша глазамъ,
 И думаешь : опятьъ къ мечшамъ
 Душа убишная склонилась ;
 Увы, въ ней сильно вкоренилась
 Неопразимая мечта.
 Предъ нимъ . . . . Нѣтъ, нѣтъ ! по слѣдъ забвенья ;
 Слѣпой порывъ воображенья :
 Предъ нимъ Зальмара — но не ша,
 Какою зрѣлъ ее онъ прежде !
 Не блескъ — шуманъ въ ея очахъ ;
 Не розы — блѣдность на щекахъ ;
 Въ ея походкѣ и одеждѣ
 Теперь задумчивость и лѣнь ;
 Зальмара — плачущая тѣнь
 Надъ одинокою могилой
 Подруги, вѣчно сердцу милой !

З А Л Ь М А Р А.

Остановись, невольникъ ! Мной
Ты приглашенъ сюда къ свиданью,
Я посылала за тобой.
Не удивляйся же молчанью
Зюлемы преданной моей ;
Я строго запретила ей
Сказать . . . . Но скроемся въ аллею,
Иди за мною, въ тишинѣ
Узнаешь все . . . . Здѣсь спрашно мнѣ,
Съ тобою бышь я здѣсь не смѣю :
Замѣшишь евнухъ, а тогда
Объимъ намъ придетъ бѣда.

И вопъ пропой едва замѣшной,
Она съ невольникомъ пошла,
Робка, задумчива была ;
Но взглядъ по грустимый, по привѣлиной ;
И — примирители страстей —
Порою слезы изъ очей :
Все гордой дѣвѣ измѣняло.
Невольникъ . . . . ахъ, какъ изнывало
Въ немъ сердце полное любви !
Какъ въ безднѣ моря ушло
Оно въ буншующей крови.

Аллея темная предъ цими —
 Вошли — все пусто ; лишь одинъ,
 Подъ кипарисами нѣмыми,
 Бѣлѣютъ скамьи въ спорошѣ.
 Садися дѣва. — Грудь вздымаясь,
 Подъемлешь дымчатый покровъ ;
 Усна мѣшаютъ звуки словъ,
 И вошь сказала, запинаясь :
 — Такъ, чужестранецъ, я звала
 Тебя къ свиданью въ наши спѣны ;
 Законъ Гарема, страхъ измѣны —
 Зальмара все превозмогла.
 Владѣшь неопытной душою
 Я невластна . . . . Узнай, побою . . . .
 Опъ шой поры, когда со мной
 Сошелся ты во тмѣ почной,
 Тобой однимъ съ тѣхъ поръ живу я ;
 Твои черпы, твой милый взглядъ . . . .
 Напрасно ихъ душой бѣгу я —
 Опъ вездѣ за мной слѣдяшь.
 Мои померкнувшія очи
 Забыли миръ и нѣгу сна ;
 Какъ мѣсяцъ бурной полуночи,
 Моя минувшая весна
 Печальнымъ облакомъ запылилась ;
 Я вѣришь счастью разучилась

И, кажется, давнымъ-давно
 Забыло, бѣдную, оно.
 Въ борьбѣ спрасней неспаевая,
 Я гибну, молча, между дѣвъ ;
 Дышу побой, какъ чувствомъ рая,
 Забавы, пышность — все презрѣвъ,
 Я юности живыя розы
 На тайныя мѣняю слезы.
 Взгляни, съ шестнадцатой весной
 Зальмара сердце погубила :
 Оно изсохло, какъ могила,
 Не орошенная слезой.
 Послѣдствій встрѣчи роковой,
 Моихъ спраданій, мукъ ужасныхъ,
 Безумныхъ сновъ, надеждъ напрасныхъ
 Не ушаншь мнѣ отъ тебя.
 Но, чужестранецъ, полюбя
 И полюбя еще впервые :
 Скажи, кто можешь ушаншь,
 Кто можешь въ сердце испребишь
 Обѣщанья милые, святыя ?
 О, нѣшь ! не дважды намъ любить,
 На что предъ сердцемъ лицемѣришь ?
 Его намъ шрудно разувѣришь,
 Пускай же поспѣ по одному. —
 Сего дня, сидя предъ окномъ,

Тебя предъ нашими спѣнами
 Узрѣла я. Ты грушенъ былъ,
 Ты что-то съ жадностью слѣдилъ,
 И, увлеченная мечтами,
 Я думала . . . . Моей мечты
 Не отгони ! Увѣрь, что ты
 Слѣдилъ въ волненіи за пою,
 Кого . . . . не правда-ль, ты за мною . . . .
 За мною сердцемъ ты слѣдилъ ?
 Скажи, увѣрь, что полюбилъ,
 Что любишь ты меня ! — Зальмара
 Порывомъ дѣвственнаго жара
 Твои надежды оживишь ;
 Она съ тобою раздѣлишь
 Своей души залогъ завѣщанный,
 И поцѣлуй любви привѣщанный
 Тебя къ блаженству возвратишь.

Умолкла. Къ длани бѣлоснѣжной
 Она главою склонилась нѣжно ;
 Опвѣща ждешь, глядишь — у ногъ,
 Какъ побѣжденный полубогъ,
 Сынъ Эльбы пламенный препещеть ;
 Взоръ изступленный дико блещеть ;
 Въ груди по вздохъ, по тяжкій стонъ ;

Слеза ланины орошаетъ ;
 Начнешь ли рѣчь — въ мншпу онъ
 Ее окончивъ забываетъ.

З А Л Ь М А Р А.

Ты пронуть ? Нѣшь не сожалѣнье,
 Одна любовь шеперь нужна ;
 Въ любви участіе — презрѣнье . . . .
 Я умоляшь не рождена.
 Тебѣ я сердце предлагаю,
 Когда же не возьмешь его,
 Тогда позора своего
 Я не снесу ; но я узнаю,
 Кто ша, кому отдавъ мечпы,
 Мои красы опринулъ ты.
 О, если рѣчью лицемерной
 При первой встрѣчѣ обмануль
 Ты мой разумокъ легковѣрной ;
 И если ты попомъ уснуль
 Въ обьяшяхъ другой, и съ нею
 Надъ легковѣрностью моею
 Смѣлся въ бѣшенствѣ страстей :
 Тогда . . . . Красавицѣ твоей
 Ни гдѣ не скрышься отъ Зальмары.
 Отдамъ всю жизнь желанью кары,

Найду — и мщенье мое
 Всю кровь изъ сердца у нее
 Тогда испочинь адскимъ жаломъ ;
 Когда же здѣсь не поражу,
 На небеса пойду съ кинжаломъ —
 И памъ ее не пощажу.
 За чѣмъ же медлишь ты опвѣшомъ ?
 Или она въ Гаремъ эпомъ ?
 Опвѣшспвуи, повпоряю вновь,
 Рѣши, что ждетъ меня ?

Н Е В О Л Ь Н И К Ъ .

Любовь,
 Чистѣйшая, какъ свѣтъ небесный !
 Давно воспоргъ ея чудесный,
 Смушивъ дремошу юныхъ думъ,
 Посѣлмъ въ нихъ раздоръ и шумъ.
 Ахъ, долго, долго изнываль я !
 Узнавъ тебя, чужую снень,
 Презрѣнье, угнѣшеній цѣнь
 Три мѣсяца не проклиналъ я.
 Другая ? Нѣтъ, ни съ кѣмъ шогда
 Еще я сердцемъ не дѣлился ;
 Ему любовь была чужда,
 Тебѣ я первой покорился ;

Одна заря въ вечерней мглѣ,
 Одна и ты мнѣ на землѣ.
 Живу, люблю, спраданье гложешь
 Мою сгарающую грудь;
 Разсудокъ шепчетъ: *позабудь!*
 А сердце позабыть не можешь.
 Увяль невѣрный жизни цвѣтъ —
 И съ нимъ надежды лучшихъ лѣтъ:
 Я рабъ, а ты . . . ты дочь Махмета.

З А Л Ъ М А Р А.

Что нужды намъ до мнѣній свѣта?
 Любима . . . ахъ не все ли шумъ
 Желанья сердца обрѣшумъ?
 Вошь двѣ звѣзды! Онѣ сливаясь,
 Плывущъ на небѣ голубомъ;
 Слюбилсь свѣшля, встрѣчаясь;
 Имъ веселѣй горѣшь вдвоемъ:
 Пускай же шучи снѣговья
 Возмогущъ вѣрныхъ разлучишь —
 Скорѣй ихъ можно погасишь,
 И бросишь въ волны ключевья.
 Забудь враждующихъ людей
 И лицемерную свободу,

Люби какъ я — въ любви своей
 Я заключила всю природу.
 Я дочь Махмета въ шумъ дня,
 Пускай зовушь Княжной меня,
 Въ часы урочнаго досуга
 Я не Княжна — швоя подруга.

Руками юношу обвивъ,
 Она къ груди его прижала,
 И поцѣлуемъ заглушала
 Страсстей насильственный порывъ.
 Невольникъ мѣлъ и забывался —
 Какъ описать его воспоргъ ?
 Онъ милой дѣвой любовался ;
 Она его ! . . . Теперь онъ могъ
 Повѣрить счастію земному ;
 Благословеніе бывшему :
 Онъ знаетъ прелестъ бышія !
 Зальмара съ нимъ, чиста какъ радость ;
 Какой бальзамъ, какую сладость
 Онъ пьетъ въ лобзаніяхъ ея !

Часы свиданья прошекали,
 Луна и звѣзды исчезали ;

Ужь сквозь шуманы въ лоць шучь
 Ныряль зари перловый лучь.
 Воспокъ рѣдѣшь; надъ древами
 Легла блестящая роса ;
 Разсвѣпа сизыми огнями
 Голповы вспыхнушь небеса. —
 Среди сердечныхъ упоеній
 Сидяшь любовники; для нихъ
 Пропляжный ходъ часовъ ночныхъ
 Одна минуша наслажденій.
 О, ночь ! помедли, ты съ собой
 Умчишь все радости свиданья,
 И души счастливыхъ побой
 Вспревожишь грустью разсаванья.
 Еще любовники всего
 Другъ другу ввѣришь не успѣли ;
 Въ избытокъ счастья своего,
 Они о многомъ бы хопѣли
 Поговорить шеперь въ тиши.
 О, ночь ! помедли, не спиши !
 Опомнись, дѣва впрепенулась,
 Вздохнула, томно улыбулась,
 И погрузмвъ на грудь лицо,
 Сняла алмазное кольцо.

З А Л Ь М А Р А.

Возьми! носи его залогомъ
 Моей любви — по гробъ швой!
 Клянусь святыней бышя,
 Моимъ, швоимъ клянуся Богомъ —
 Твоя по гробъ!

Н Е В О Л Ь Н И К Ъ.

Клянусь судьбой
 И въ небесахъ дышашъ шбой!

З А Л Ь М А Р А.

Прощи! пора!... Тропинка эша
 Тебя къ чершогамъ доведешъ —
 Уже не долго до разсвѣша:
 Заря докучная вспаешъ,
 Гаремъ виднѣе изъ шумана —
 Пора и мнѣ шуда бѣжашъ;
 Но завтра здѣсь имъ близъ фоншана
 Съ шбой увижусь я опяшъ.

Преодолевъ печаль разлуки,
 Они безмолвно обнялись,

Въ послѣдній разъ пожали руки
 И — молвивъ : *завтра!* — разошлись.
 Такъ голубь лѣшнею порою,
 Въ вечернемъ сумракѣ полей —
 Съ голубкой встрѣхся молодою,
 Кидаешъ кормъ и мчишся къ ней;
 Слѣхся, сядушъ, поворкуюшъ,
 Другъ друга нежно поцѣлюшъ,
 Повеселяшся, погрустхяшъ,
 Подымушся и улехяшъ.

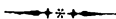
II. *Иноземцовъ.*

МАРІЙ.

ПОСВЯЩЕНО

И. Я. КРОНЕБЕРГУ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Дремало море въ берегахъ,
Надъ Кареагеномъ тѣнь ночная
Плыла на сизыхъ облакахъ,
Луну и звѣзды омрачая.
Все было пусто ; здѣсь и шамъ
Слѣды войны и разрушенья ;
И засыпали по холмамъ
Опустошенныя селенья.

Мечъ грозныхъ Римлянъ истребилъ
Слѣды спѣны Кареагена,
Онъ славу гордыхъ замѣнилъ
Цѣплями стягоспнаго плѣна.

Паль Карѳагенъ ; его сыны
 Проспились съ прелестью свободы ;
 Чужимъ власнямъ покорены,
 Рабы — не вольные народы !

Увы, съ поникшею главою
 Они въ поляхъ печально бродящъ,
 И на привѣщъ спраны родной
 Веселыхъ пѣсень не заводящъ.
 Въ чужихъ краяхъ погребено,
 Истреблено ихъ ополченье ;
 Они рабы, имъ суждено
 Терпѣшь позоръ и угнѣтенье.

И здѣсь-то брошенный судьбой,
 Невѣрной дружбой забытый,
 Митрежникъ хитрый, вождь-герой,
 Скистался Марій знаменитый ;
 Склонивши голову на длань,
 Сидѣль ошъ, взоръ впередъ въ волны ;
 Вошь вспомнилъ славу, вспомнилъ брань
 И говоришь раздумья полный :

»Греми, греми, сребриспый валь,
 Согласный бѣгъ свой совершая;
 О! если бѣ къ Риму ты бѣжалъ,
 Къ брегамъ родимаго мнѣ края:
 Тогда бы вслѣдъ спрульмъ швоимъ
 Отрадно было мнѣ спремишься,
 Взглянушь впослѣдніе на Римъ
 И съ нимъ впослѣдніе проспшишься.

»За славой Ромула спремясь,
 Свободу Бруша обожая,
 Не я ли, смерти не спрашась,
 Громилъ, отчизну прославляя?
 Я все принесъ отчизнѣ въ дань;
 Отдавъ ей юности забавы,
 Какъ на пиры я шель на брань,
 И жилъ для Рима и для славы.

»О Римъ! сзови своихъ сыновъ,
 Спроси у нихъ: дары ли счастлиа
 Иль нѣги недостойный зовъ,
 Или призракъ единовластья

Схуцали Маріевы сны ?

Спроси у нихъ, — и вѣрно скажущь :

Мы славой Марію должны,

Тевшоны, Кимвры по докажущь.

»Нѣтъ, нѣтъ ! не будешь укоряшь

Меня правдивое попомство,

Я правъ — меня ли порицашь,

Меня ль впиши за вѣроломство ?

Я знаю Силлу, я понялъ,

Онъ шелъ къ власнямъ пропой обмана,

Я гражданинъ, — и я желалъ

Испоргнушь власшь изъ рукъ ширана.

»Но ты падешь передо мной,

О Силла ! . . . Вождь минувшій боя ! . . .

Твоей ли слабою рукой

Сорвашь безсмертіе съ героя ?

Не долго ждашь, падушь они,

Удары праведнаго мщенья,

И Римъ познаетъ эши дни,

Внимая грому разрушенья.

»Изгнанникъ здѣсь скипаюсь я,
 Мои шаги слѣдишь измѣна ;
 Какъ испребитель бышя,
 Среди обломковъ Карѳагена,
 Завѣшной думой омраченъ,
 Угрюмо дни я провождаю ;
 Меня бѣжишь оправднѣй сонъ,
 Я жаждой мщенія стараю.«

Умолкъ. Чело его мрачнѣй,
 Чѣмъ небеса пенаспной ночи ;
 И вдругъ изъ-подъ густыхъ бровей
 Сверкнули пламенные очи ;
 Вошь неподвижно устремилъ
 Ихъ на чернѣющія воды,
 И сонъ желанный осѣнилъ
 Героя брани и свободы.

Заря будила сводъ небесъ,
 Сѣдыя волны просыпались ;
 Въ кристаллы ихъ глядѣль ушесъ,
 Вдали шуманы волновались.

Проснулся Марій — смутный взоръ
 Съ грозой къ отчизнѣ обратился,
 Герой вздохнулъ, и между горъ
 Какъ тѣнь могильная сокрылся.

Проходящъ дни — изгнанникъ вновь
 Лешаешь къ Риму думой смутной;
 Сонмъ рашниковъ, пожары, кровь,
 Трофей побѣдъ хотя бѣ минувной —
 Все это въ мысляхъ передъ нимъ.
 Поклявшись мстить и за могилей,
 Онъ какъ Судьба неукротимъ
 И жаждешь боя съ новой силой.

Когда завоешь вихрь, и громъ
 Ошгрянешь спрашно надъ холмами:
 Какъ радостно тогда кругомъ
 Онъ бродишь гнѣвными очами!
 Онъ мнишь: такъ гордый Римъ падешь,
 Такъ Капитолій запрепещешь,
 Когда и огонь по немъ пройдешь,
 И мечъ въ спѣнахъ его заблещешь.

Когда орель, покшнувъ лѣсъ
 Плывешъ въ эфирномъ океанѣ
 И, низвергаясь на ушесь,
 Узришь врага въ пустынномъ вранѣ :
 Какъ весело на эпошь бой
 Герой Нумидіи взираешъ,
 Мнишь видѣшь Силлу предъ собой
 И мечъ оспавленный хвапашъ.

Вопще, біясь о брегъ, бѣгушъ
 И мещушъ перлъ морскія волны :
 Онѣ свободы не весушъ,
 На нихъ плывушъ чужіе чолны.
 Призыва Цинны Марій ждешъ.
 Иль измѣнили легіоны
 И вѣрный другъ не призовешъ
 Его на пиршество Беллоны ?

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Межъ тѣмъ, какъ Силла пожиналъ
Вдали ошъ Тибра лавры брани,
И Римъ колѣна преклонялъ
По мановенью мощной длани ;
Друзей собравши въ пишинѣ,
Ошважный Цинна мечъ подъемлешъ,
И Римлянинѣ въ родной спранѣ
Съ испугомъ гласу бунна внемлешъ.

Какъ Эшна вспыхнулъ спрашный бой,
Сынѣ на ошца и бранѣ на брата
Идушъ ; стеклися, — спрой на спрой
Напалъ — и миру нѣшъ возвраша.
Ликуешъ смершь . . . . Спѣсненѣ, разбишь
И прогнанѣ Цинна съ поля бишвы ;
Пылая злобой, онѣ бѣжишь
Какъ пигрѣ израненный съ ловишвы.

Проходяшь дни — ужъ нѣшь заботъ ;
 Погасъ вулканъ вражды народной ;
 Безпечно Римлянинъ несетъ
 Въ храмъ мира сердца даръ свободный.
 По прежнему на площадяхъ
 Законный кличь народной воли ;
 Порхаешь радость на пирахъ
 И безмяшежень Капишолій.

Повсюду счастье и покой ;
 Тиха долина боевая ;
 И часто позднею порой
 Идешь гражданка молодая
 На брегъ ручья, идешь одна
 Для встрѣчи пламенно-желанной
 Съ влюбленнымъ юношей — она
 Забыла дни превоги бранной.

Но что? . . . Къ чему же смута вновь?
 Несутся вѣсти роковыя . . . .
 При нихъ у спарцевъ спынешъ кровь,
 Взрыдались дѣвы молодья.

Союзныхъ ратниковъ съ полпой,
 Искатель пагубныя чести,
 Спрямится Цкина въ край родной,
 Неся съ собой перуны мести.

Народъ въ мольбѣ — Сенашъ уныль
 И Римъ вселенной повелитель,
 Главу вѣнчанную склонилъ.
 Ужъ близокъ, близокъ грозный мститель!
 Идешь . . . . Какъ спая врановъ злыхъ,
 Быстрый нагорцаго пошока,
 За нимъ текушь въ рядахъ густыхъ
 Сыны враждующаго рока.

О! что съ побой, державный Римъ?
 Внимай, ужъ грянулъ голосъ кары!
 Уже по храмамъ вѣковымъ
 Какъ лучи спелюся пожары!
 Угрозы, кляшвы, вопли, спонь
 Слились какъ гимны разрушенья;
 Погибель, адъ со всѣхъ споронъ;
 Врагу и другу нѣтъ спасенья.

Но кто сей яростный аплетъ ?
 Кто зрится съ Цинной предъ рядами ?
 За кѣмъ съ побѣдою во слѣдъ
 Спрямятся рапики полнами ?
 Ужасень онъ ! въ десницѣ громъ !
 Смогрише, онъ коня поропишь,
 Лешишь какъ дума и кругомъ
 Римлянъ въ пучинахъ крови шопишь.

Вошце съ молишвой на устахъ,
 Съ опчаяньемъ въ попухшемъ взглядѣ,
 Пошомки Ромула въ слезахъ
 Къ нему взывають о пощадѣ —
 Вошце ! гдѣ онъ — тамъ смерть ; ему
 Оспрады, мнишся, падшихъ стоны ;
 Гоповъ онъ мщенью своему
 Принесетъ ихъ въ жершву милліоны.

Кто жъ онъ ! О Римъ ! ты зрѣль его,
 Когда, дыша къ тебѣ любовью,
 За честь народа швоего
 Онъ, обогреный вражьей кровью,

Предъ Капитоліемъ склонялъ
 Главу, увишную вѣщами
 Безсмертныхъ дѣлъ — ты ликовалъ,
 Гордился ты его дѣлами.

А нынѣ . . . . или не знаешь ты
 Любимца дряхлаго Беллоны,
 Предъ нимъ повергли въ прахъ щипы
 Югурта, Кимвры и Тевтоны ?
 Внемли, взываетъ твой народъ :
 »Бѣгите ! спрашенъ побѣдитель !
 Онъ гибель, рабство намъ несетъ !
 Се Марій, врагъ намъ, нашъ власпитель !«

Упихла битва, скрылся день ;
 Зажглись огни спорожевые,
 Медлительно ночная тѣнь
 Легла на холмы вѣковые.
 Въ нѣмыя думы погружень,
 На рубежѣ долины рашной
 Блуждаетъ Марій ; сбросилъ онъ
 Тяжелый щипъ и мечъ булашный.

Онъ мнишь: »свершился подвигъ мой....
 Римъ ! ты смиренно преклоняешь
 Свою главу передо мной ;
 Но ты судьбы своей не знаешь.
 На завтра снова грянешь громъ,
 Опять заблещешь факель мщенья ;
 Въ Сенатъ дерзоспномъ швоемъ
 Я заплачу за оскорбленья.

»И гдѣ жъ защитникъ спѣшь швоихъ ?
 Гдѣ, гдѣ ты Силла ? Сынъ Фортуны !
 Приди, сорви съ рамень моихъ
 Мои вѣнцы, мои перуны.
 Пускай пройдушь швои друзья,
 Подобно мнѣ, на эшомъ полѣ,
 Безъ состраданья встрѣчу я
 Рабовъ послушныхъ рабской воли.

»О, можешь бышь, презрѣнный шашъ,
 Цѣною злата обольщенный,
 Нежданно на меня подняшь
 Дерзнешъ кинжалъ свой пошвенный....

Свершился жребій мой ; паду,
 Погибну я въ борьбѣ съ Судьбою ;
 Но духъ мой новую вражду
 Раздуешь въ Римъ предъ побою.»

Сбылись мечты его . . . . Герой
 Не долго славою наслаждался !
 Онъ палъ . . . . Надъ дряхлой головой
 Книжалъ измѣны не взывался ;
 Воишель смертный не купилъ
 Счастливыхъ дней своей опчиzny :
 Надгробный гимнъ предвозвѣстилъ
 Ему потомства укоризны.

Проходящъ годы — палъ и Римъ ;
 На боевой его долищѣ
 Другой народъ мы нынѣ зримъ,
 Другая рашъ шамъ ходишь цынѣ.
 Герсевъ Рима нѣтъ какъ нѣтъ ;
 Но не забышы ихъ дѣянья ;
 Быль грозныхъ и великихъ лѣтъ
 Хранящъ народныя преданья.

П. Иноземцовъ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Не березанька съ гибкимъ яворомъ соплешалась,
Красна дѣвица съ юнымъ рапшикомъ розспавалась.

Расплела печаль кудри русыя, шелковыя ;
Взволновалися груди полныя, молодыя.

Изъ очей ея, что ключи съ горы, слезы льюшся ;
Руки бѣлыя вокругъ млага шакъ и вьюшся.

Ахъ! за чѣмъ меня, ненаглядный мой покидаешь ?
На кого меня безушшную оспавляешь ?

Много на небѣ свѣшлыхъ звѣздочекъ ночь встрѣчала,
Много рапшиковъ на свяшой Руси я видала :

Пушъ удалые за родимый край ищущъ славы,
Не ходи лишъ шы, соколь ясный мой, въ бой кровавый!

Тамъ, слыхала я, оспрый мечъ блеспишь передъ
спроемъ,
Рѣки пламени роюшь землю шамъ съ ревомъ, съ воємъ.

Если люшый врагъ друга милаго шамъ погубишь?
Кшо жь тогда меня сиропинушку приголубишь?

Ахъ, къ кому на грудь съ дѣшской радостью упаду я?
Опъ чьего тогда зарумянюся поцѣлуя? —

Не послушался добрый молодець дѣвы красной,
Полешѣль спрѣмой на кровавый бой соколь ясный.

Не березанька во чистомъ полѣ засыхала,
Красна дѣвица опъ кручинушки пзнывала.

II. Иноземцовъ.

МОГУЩЕСТВО КРАСОТЫ.

ПОДРАЖАНІЕ АРАБСКОМУ.

Щекъ твоихъ горячихъ пламя
Въ первыхъ упревшихъ лучахъ,
Словно вѣющее знамя
Заблещало вдругъ въ очахъ.
Розы, мирры присмирѣли,
Видя прелести твои ;
Звучно въ честь твою воспѣли
Сладкопѣвцы соловьи.
И, воспорженъ, очарованъ,
Бѣдный плѣнникъ твой, у ногъ,
Неизбѣжной спрашью скованъ,
Испустилъ послѣдній вздохъ !

И. Петровъ.

1832.

ЗАВѢТНОЕ КОЛЬЦО.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Берёзанька-ль кудрявая,
Опъ въпра гнется — ломится ;
А розочка душистая
Ко правкѣ помно клонится.

Такъ дѣвица - красавица
По миломъ другѣ плачешся,
Что вѣдопомъ весенняя
По чисту лугу льетъ рѣкой.

»Кольцо мое, завѣщное!
 »Безъ друга, друга милаго,
 »Мнѣ золопомъ кого дарить?
 »Скажете: что мнѣ въ золомѣ?»

Сняла кольцо съ руки своей
 И въ быспры воды кинула:
 »Неси волна, шуми волна!
 »Любовь свою я съ нимъ дарю!

И. Петровъ.

1852.

ГАДАНИЕ ТУНГУСОВЪ (*).

СЪВЕРНАЯ СЦЕНА.

Ночь. Скалы и утесы Енисея. Толпа Тунгусовъ окружаетъ стараго Шамана. Посреди пылающій костеръ, сложенный изъ огромныхъ кедровъ. Двое Тунгусовъ подаютъ гадателю одежды, обвѣщенные металлическими изображеніями змій, драконовъ и другихъ животныхъ; такой же запонъ, шапку, украшенную выломлѣмъ ворона, и овальный бубенъ.

ШАМАНЪ, ударяя въ бубенъ.

Отъ живущихъ отчужденный,
Отчужденный отъ родства,
Отъ земнаго существа,
Въ тайны Неба посвященный,

(*) Стихотвореніе сіе написано еще въ Сибири. Миеологическія и религіозныя повѣстія Тунгусовъ о Вышнемъ Существѣ, мистическія волхвованія ихъ Шамановъ, имѣющихъ какое-шо сродство съ древними Магами и Волхвами Египетскими, до нынѣ, кажется, не были описываемы въ близи. Изображеніе ихъ въ семъ стихотвореніи заимствовано мною изъ собственныхъ наблюденій и, находящагося еще въ рукописи, любопытнаго сочиненія о шаманствѣ краѣ А. П. Степанова, бывшаго Енисейскаго Гражданскаго Губернашора. Сот.

Преклоняя къ вамъ главу,
 Вышни силы, васъ зову!
 Низойдите! низойдите!
 Дней покровъ разоблачите!

ХОРЪ.

Вышни силы онъ зовешъ!
 Низойдите! низойдите!
 Дней покровъ разоблачите!
 Пусть, что будетъ, предречешъ!

ШАМАНЪ.

Ты, *Аркунга*, духъ воздушный!
 Мракъ и свѣтъ тебѣ послушны,
 Тайны знаешь ты земли,
 Даръ предвѣденья пошли!
 Да, побою вдохновенный,
 Мнѣ весь мыслью обшеку —
 И живущимъ во вселенной
 Жизнь иль гибель предреку!

Странъ подземныхъ обитатель,
Этыгранб, зла обладатель,
 Духъ болѣзни моровой,
 Въ мѣръ влепающій зміей!
 Безпощадно всё мертвящій!
 На призывъ отважный мой,
 Кропкій, мирный, не разящій,
 Ты предстань передо мной!

Ты, крылатый *Иньяны*,
 Кѣмъ возносятся Шаманы
 Опѣ печальныхъ оныхъ мѣсць
 Выше солнца, выше звѣздъ!
 Ты, даръ жизни предержащій,
 Кѣмъ всё дышетъ на земли!
 Свѣлозарный, лучезрящій!
 Зову кропкому внимли!

Ты, Хвананы ! Ты, Миряда !
 Духи неба, духи ада !
 Ты духъ бури, грозный Торб !
 Васъ зову я на соборъ !. . .

КОРЪ.

Низойдите ! Низойдите !
 Дней покровъ разоблачите !

Слышнѣ полетѣ невидимыхъ.

ШАМАНЪ,

содрогаясь при ихъ приближеніи.

Вошь — я вижу : черный врань
 Осѣнилъ меня крылами !
 Я прозрѣлъ времець шумань !
 Сонмъ духовъ наришь надъ нами !

Упадетъ въ безпмятствѣ.

ОДИНЪ ИЗЪ ТУНГУСОВЪ.

Чу ! . . . Надъ нимъ поднялся врань !
 Спрашно ! . . . Вошь вѣшаетъ Шамакъ !

ШАМАНЪ, *вставая.*

Всё шеперь я видѣль ясно!
 Други! будущность прекрасна;
 Видѣль я ея зарю:
 Слава *Бѣлому Царю!*

ВСѢ.

Слава *Бѣлому Царю!*

*Расходятся. Полный разсвѣтъ озаряетъ
 скалы и утесы Енисея.*

И. Петровъ.

1852.

О Р Е Л Ъ.

Завидую Орлу, лепящему по волю:

Какъ пушь его широкъ! просторно какъ ему,
На крыльяхъ опершись, гулять въ лазурномъ полѣ,
Гдѣ не подвласпенъ онъ земному ничему.

Какъ пышный домъ, его вселенная пріемлетъ;
Ликуя въ небесахъ, чую зримъ для нашихъ глазъ,
То на границу бурь полетъ онъ свой подьемлетъ,
То опдохнувъ попомъ садится на Кавказъ.

Какъ весело ему! какъ воленъ онъ повсюду!
Нѣтъ мѣста для него, гдѣбъ крылья не взнесли,
И только съ высоты онъ видитъ эту гряду
Неужной для него, окованной земли.

А мы, ничтожные, как эполъ червь ползущій,
 Мы къ ней пригвождены... За тѣмъ и скучно намъ!
 Напрасно рвешся умъ, далече насъ зовущій:
 Весь путь нашъ по землѣ опъ спѣнъ къ другимъ
 спѣнамъ.

Вездѣ препятствія, нашъ каждый шагъ забота:
 Душа угнетена какъ жалкая раба.
 Куда ни оглянись, вся наша жизнь работа,
 Тоска, ничтожество, и вѣчныхъ нуждъ борьба.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

П Р О З А.

Стран.

Байсаго (П. Б.)

Недобрый глазъ. Малороссійское преданіе.. 3

* * * * а.

Ошривокъ изъ Романа : *Расходіи*..... 14

Сомова (О. М.)

Недосозданіе..... 62

С . р . з . к . го (И. И.)

Ошривки изъ Записокъ о шарцѣ Григоріѣ

Сковородѣ, Украинскомъ Философѣ. 67

С * * * *

Двѣ каршины..... 95

Бредипъ 97

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Стран.

Иноземцова (П. И.)

Двѣ главы изъ Восточной Повѣсти: Заль- мара.....	107
Марій	145
Русская пѣсня.....	159

Петрова (И. М.)

Могущество красоты. . Подражаніе Араб- скому	161
Завѣрное кольцо. Русская пѣсня.....	162
Гаданіе Тунгусовъ. Сѣверная сцена.	164

Ю * * * *

Орель.....	169
------------	-----

В И Н Ь Е Т К А-

Алекишета (И. И.) Видъ Харькова : Лопанскій мостъ.
Мѣлочные лавки. Университетъ. Присущивен-
ныя мѣста и проч.

